

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ДАЙНА ДЖЕФФРИС

Тосканская графиня

Одна война.
Две женщины.
Смогут ли они
спасти тех,
кого любят?

Любовь, неизвестность, чувство вины и тайна...

New York Journal of Books

Дайна Джеффрис Тосканская графиня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67428864

Тосканская графиня: Иностранка, Азбука-Аттикус; Москва; 2022

ISBN 978-5-389-21089-9

Аннотация

Переломный момент в ходе Второй мировой. Начиная с 1943 года силы антифашистской коалиции постепенно вытесняют гитлеровцев из Италии, однако те неохотно сдают свои позиции, угрожая мирным жителям карательными операциями за любое содействие Сопротивлению или войскам союзников. Солдаты немецкой части, отступающей через Тоскану, размещаются на постой в деревне Каstellо, рядом с виллой графини Софии де Корси, и если нацисты узнают о том, что спрятано на вилле и кто здесь скрывается, графине и ее близким несдобровать. София понимает, что без чужой помощи ей не удастся сохранить свои тайны от врагов. И хотя в Италии военного времени даже хорошо знакомый человек может оказаться предателем, графиня решает довериться незваной гостье – италоамериканке Максин, которая приехала в Каstellо с важным заданием... Впервые на русском!

Содержание

Краткая хронология Второй мировой войны в Италии	5
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	47
Глава 5	52
Глава 6	67
Глава 7	72
Глава 8	87
Глава 9	92
Глава 10	103
Глава 11	113
Глава 12	119
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Дайна Джеффрис

Тосканская графиня

*Памяти итальянцев, чьи храбрость и мужество
вдохновили меня на создание этой книги*

Dinah Jefferies
THE TUSCAN CONTESSA

Copyright © Dinah Jefferies, 2020

First published as THE TUSCAN CONTESSA in 2020
by Penguin General. Penguin General is part of the Penguin
Random House group of companies.

All rights reserved

© В. Г. Яковлева, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2022

Издательство Иностранка®

Краткая хронология Второй мировой войны в Италии

Июль 1943 года. Через несколько недель после вторжения войск союзников в Сицилию и бомбардировок Рима режим Муссолини пал. Король Италии Виктор Эммануил III назначает новым премьер-министром фельдмаршала Пьетро Бадольо¹. Муссолини арестован и заключен в тюрьму. Тем временем немцы входят в контакт с Бадольо, и тот подтверждает неразрывную верность союзу с Германией. Но немцы ему не доверяют, и генералы вермахта, на случай если итальянцы перевернутся на сторону союзников, строят планы захвата Италии.

8 сентября 1943 года. Между Италией и союзниками официально объявлено перемирие. Король Италии и Бадольо покидают Рим и находят убежище у союзников. Италия капитулирует перед союзниками, и тогда германские войска стремительно оккупируют территорию страны, включая Рим. Итальянское правительство официально объявляет о заключении мира с союзниками против нацистской Герма-

---

¹ *Пьетро Бадольо* – маршал Италии, герцог Аддис-Абебский, маркиз Саботино, премьер-министр Италии; приняв власть над страной после свержения Муссолини в 1943 году, объявил нейтралитет и вывел Италию из Второй мировой войны.

нии.

9 сентября 1943 года. Войска союзников совершают высадку в Сицилии, в районе города Салерно. Под интенсивным огнем артиллерийских и минометных батарей врага, скрывающихся в складках горной местности, им требуется десять дней, чтобы отбросить немцев с их позиций. В этих боях гибнет две тысячи британских солдат.

12 сентября 1943 года. По приказу Гитлера немецкие десантники освобождают Муссолини из заключения.

23 сентября 1943 года. Освобожденный немцами Муссолини объявляет себя главой вновь образованной Итальянской социальной республики. Он рассчитывает вернуться в Рим, но немцы устраивают его резиденцию на вилле в северном городке Салó, на берегу озера Гарда. Однако он уже потерял контроль над большей частью территории Италии и правит лишь крохотным, полностью зависимым от Берлина марионеточным государством. Остальная часть страны находится на военном положении, контролируемая германскими войсками.

1 октября 1943 года. В результате ожесточенных боев танки союзников освобождают Неаполь. Их войска устремляются к Риму, но, чтобы остановить их, враг умело пользу-

ется естественными преградами Италии в виде непреодолимых рек и горных массивов. Наступление войск антигитлеровской коалиции продвигается медленно.

13 октября 1943 года. Освобожденная Италия объявляет Германии войну. Страна фактически полностью охвачена пламенем боевых действий: сражения идут не только между противниками во Второй мировой войне, но и в войне гражданской между профашистскими и антифашистскими силами Италии.

16 и 17 октября 1943 года. В Италию прибывают подкрепления войск Содружества. Следует ряд ожесточенных сражений, силы антифашистской коалиции постепенно вытесняют немецкую армию из страны. Немцы оказывают яростное сопротивление.

Ноябрь 1943 года. В этом году начинаются события, изложенные в романе «Тосканская графиня». На данном этапе силы итальянских партизан еще плохо организованы, их деятельность главным образом исчерпывается нерегулярными диверсионными актами.

5 июня 1944 года. Войска союзников освобождают Рим. Они продвигаются к области Тоскана и далее. К этому времени численность партизанских соединений значительно

возрастает, они гораздо лучше вооружены и организованы.

6 июня 1944 года. В другой части Европы, в Нормандии, осуществляется высадка союзных сил, названная «день Д» – день начала боевых действий по освобождению оккупированной немцами Франции. Несмотря на огромное как символическое, так и стратегическое значение освобождения Рима, в сознании населения Запада «день Д» приобрел гораздо большую популярность, а итальянскую кампанию союзных войск по большому счету вниманием обделяют.

29 июня 1944 года. Отступающие немецкие войска СС прорываются через Тоскану. В деревнях Сан-Панкрацио и Чивителла в отместку за то, что партизаны убивают четырех немецких солдат, немцы устраивают «акцию возмездия» – настоящее кровавое побоище.

Июнь/июль 1944 года. В Тоскане свирепствуют французские формирования, так называемые «гумы», из североафриканских вооруженных отрядов марокканцев.

4 августа 1944 года. Войска союзников подходят к южным пригородам Флоренции, и начинается битва за город, которая проходит при огромной поддержке итальянских партизан. Немецкая армия отступает, грабя и сжигая все на своем пути. Флоренция оставлена ими, заваленная горами

мусора, лишённая электричества, со скудным запасом питьевой воды, без транспортных средств и практически без продуктов питания. Боевые действия сдвигаются все дальше на север.

12 августа 1944 года. В тосканской горной деревне Сант-Анна-ди-Стаццема в ответ на действия партизан войсками СС совершено массовое убийство местных жителей и беженцев. Было уничтожено 560 человек, в том числе более сотни детей. Во время дальнейшего отступления немцами совершались и другие массовые казни.

21 апреля 1945 года. Силы союзников освобождают Болонью.

28 апреля 1945 года. Партизаны захватывают и расстреливают Муссолини, тело его подвешивают за ноги на миланской площади – Пьяццале Лорето.

29 апреля 1945 года. Германское командование в Италии подписывает акт о капитуляции.

2 мая 1945 года. Капитуляция германских вооружённых сил в Италии вступает в силу через два дня после падения Берлина. За время боев с немцами погибло 50 тысяч итальянских партизан. А за все время Итальянской кампании

американские и британские войска потеряли убитыми 47 тысяч человек, 300 тысяч было ранено. В боях за город Анцио потери одних только американцев составляют 59 тысяч человек. Потери германских войск насчитывают приблизительно 434 тысячи человек.

Глава 1

Окруженная крепостной стеной деревня Кастелло-де-Корси, Тоскана

29 июня 1944 года, 19 часов 15 минут

На маленькой площади, окруженной домами с разбитыми окнами, балкончиками и терракотовыми крышами, тяжелый, жаркий воздух пахнет дымом. Обитатели домов либо спят, либо просто попрятались. Слышится лишь тоненький крик ласточек, но вдруг с башни, увенчанной зубчатыми бойницами, с оглушительным карканьем взлетает крупная чернокрылая ворона. За ней – еще одна. И еще. Три вороны, думает наблюдающая за ними старушка. Три вороны – это к смерти. Она сидит на стуле у порога дома, некогда принадлежавшего ее сыну, и, считая ворон, один за другим разгибает пальцы, потом делает глоток разбавленного водой вина. Вечер выдался знойным, но она, сдерживая зевоту, куたется в старенькую, накинутую на плечи шерстяную шаль.

– Ох, косточки мои, старые косточки, – бормочет старушка.

Окружающие площадь старинные каменные строения освещены золотистым сиянием солнца; в них живут люди, есть парочка магазинов и особняк с большими двусторонними окнами и глубокими карнизами, с которых зимой струится вода. В деревню можно попасть через единственный арочный проход с воротами, широкий и достаточно высокий, чтобы могла проехать запряженная лошадью повозка. Посаженные в глиняном бочонке пышные темно-красные розы поднимаются до второго этажа особняка; их дурманивший аромат плывет по вечернему воздуху. Уже совсем скоро солнечный шар, пока еще ярко сияющий в лазури, начнет опускаться и небо окрасится алыми красками.

Это один из редких часов тишины; однако безмятежность площади нарушается, когда по ней гулко разносится пронзительный вопль. Хлопают несколько темных ставней. Одна из них широко распахивается, из окна показывается испуганное лицо молодой женщины, которая смотрит в сторону площади.

«А что теперь? Что на этот раз?» – говорит ее взгляд.

Старушка смотрит вверх, словно она наверняка знает, «что теперь», хотя там ничего нет, кроме нескольких голубей, летящих к водоему в центре площади.

Плоскими листьями смоковницы шуршит ветерок, какой-то мальчишка бежит сквозь огромную закругленную арку и снова кричит, пытаясь догнать белую трехногую собаку, зажавшую в зубах украденную у него корку хлеба. Они

пробегают вокруг водоема, мальчишка поскальзывается, наступив на плод инжира, собака убегает, и старушка, глядя на это, смеется.

– Молодец, трехножка, – шепчет она.

Впрочем, старушка прекрасно знает и этого мальчика, и его бабушку по имени Карла.

На площадь выходит женщина в синем платье и останавливается напротив башни. Она машет рукой другой женщине и указывает куда-то направо.

– Попробуйте здесь, – говорит она.

Вторая женщина проскальзывает в дверной проем и скрывается в тени его, а женщина в синем платье идет к башне и, услышав звук мотора, на мгновение останавливается. Нет, это, конечно, не немцы, их здесь уже нет. Тогда кто же, союзники? Она быстро крестится и идет дальше.

Но в это мгновение, которое она будет помнить всю свою жизнь, женщина слышит сдавленный плач. Она поднимает голову и, прикрыв ладонью глаза от солнца, смотрит на вершину башни, не в силах поверить собственным глазам. В бойнице зубчатой верхушки башни, повернувшись спиной к площади, сидит еще одна женщина. Низко склонив голову, она не двигается, не глядит по сторонам. Проходит несколько секунд. Налетает порыв ветра, женщина в синем снова смотрит вверх, озадаченно хмурясь и не вполне понимая, что происходит.

– Осторожнее! – кричит она.

Ответа нет. Как будто какая-то тень мелькнула там наверху... или ей показалось, что там есть кто-то еще? Женщина в синем снова кричит, но теперь все происходит слишком быстро, и женщина на вершине башни опасно наклоняется назад. Что-то медленно опускается вниз, изгибаясь в воздухе, ныряя и делая пируэты на ветру то вправо, то влево. Спотыкаясь, женщина в синем бежит – так быстро она еще никогда в жизни не бегала. Увидев упавший на землю шелковый платок, с гулко бьющимся сердцем она бросается к двери в башню.

Глава 2

Кастелло-де-Корси

Семью месяцами ранее – ноябрь 1943 года

Со смешанными чувствами тоски и надежды София смотрела на раскинувшиеся перед ней пейзажи Валь-д'Орча², где темно-бурые склоны холмов сменялись долиной, за ней другой и багряное, словно подсвеченное закатом небо, казалось, затаило дыхание. Вдали над пейзажем, словно страж на часах, мрачно возвышалась одинокая вершина горы Амиата, а между тем золотисто-алые виноградники и дубовые рощицы, словно с каким-то вызовом пылающие яркими красками в последние минуты заката, лишь усугубили жажду Софии вернуть все то, что было ими утрачено. Все ближе надвигалась зима, но София продолжала тосковать по тем подернутым дымкой летним ночам, когда, лежа рядом с ним на сене, любуясь светлячками и попивая прямо из бутылки красное вино, она лениво шевелила пальчиками босых ног.

---

² Валь-д'Орча – культурный ландшафт в Центральной Италии, объект Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Прежде она очень любила эти минуты неуловимого перехода, когда всего на несколько мгновений весь мир вдруг преображался, становился словно подернутым некоей волшебной дымкой, казался зачарованным, нереальным, как обожала и минуты между сном и явью, когда ни сон, ни явь не могли заявить о своих правах на нее. В такие минуты можно было представить себе, что они продолжают идти вдвоем, рука об руку, среди слегка припорошенных пылью оливковых рощ, продолжают строить фантастические планы на будущее, и им даже в голову не приходит, какие испытания ждут их впереди.

Вечер неспешно превращался в черную ночь, которая сочилась в ее маленькую гостиную, и София с такой силой захлопнула скрипучие ставни, что затряслась рама окна. Закрыв и само окно, она повернулась и оглядела комнату. Присев перед камином, подбросила еще полено в огонь и, уловив крепкий, приятно бодрящий аромат сигары Лоренцо, оглянулась: он сидел на обитом синим бархатом диване, и у ног его сопели обе собаки. В такие минуты, когда в доме совсем тихо, совсем темно, к ней снова возвращались ее страхи. От пляшущих языков пламени по стенам комнаты метались тени; живые в своей чудовищной уродливости, тени прыгали чуть ли не до потолка, но как только пламя сникало, съежались и они. Но женщина видела их отражения в его спокойных серых глазах. Софии трудно было понять, о чем он сейчас думает, что чувствует. Глаза его были печальны, да,

но в этой печали сквозило нечто новое. Он похлопал по дивану рядом с собой, она потянулась и уютно пристроилась к нему.

Обеими руками он с двух сторон запустил пальцы ей в волосы, отвел упавшие на лицо пряди, и у нее возникло чувство, будто она растворяется в нем, как, впрочем, и он в ней тоже.

– Ну вот, теперь я тебя вижу, – сказал он.

– От тебя никуда не спрячешься, – отозвалась она, а потом сообщила, что ей сейчас вспомнились маковые поля.

– Правда?

– Скорее бы настал май и все это кончилось.

На лице его отразилось некоторое сомнение.

– Может, к маю еще и не кончится, – сказал он.

– Они мне приснились. Маки.

Она не стала говорить, что красные лепестки приснившихся маков завяли и бутоны сочились кровью.

Он поднес к глазам ее руку и стал внимательно разглядывать сломанные ногти.

– Бедные ноготки... а что там под ними, ведь это не крас-ка, верно? – ласково спросил он.

– В саду ковырялась.

– Ах вот оно что... Ну а я сейчас думал про Флоренцию.

– Когда еще ничего этого не случилось?

– Да, когда ты училась в институте искусств, а я – на аграрном факультете.

Она улыбнулась, вспоминая ту беззаботную жизнь – ей тогда было девятнадцать лет.

– Это был двадцатый год, – добавил он. – С тех пор ты нисколько не изменилась.

– Такая же маленькая? Бледненькая? Вся сморщенная?

– Вовсе нет, – возразил он, и в его глазах заплясали веселые огоньки. – Красивая, как и всегда. Вот я уже почти седой, а ты совсем нет.

Он провел рукой по своей подернутой проседью шевелюре.

– А мне нравится.

– В последнее время ты, кажется, почти не подходишь к мольберту, не то что прежде, да?

– С самого начала войны не писала, а вот теперь снова начала.

Они умолкли, каждый думал о своем. Софии очень хотелось еще поговорить о прежних днях, вспомнить, каким он был тогда, какой была она сама, но подходящие слова не шли на ум. Она пристально наблюдала за ним, но он лишь улыбался, и ей стало любопытно: думают ли они об одном и том же? В наступившей тишине слышно было, как потрескивают в камине дрова, тикают, отсчитывая секунду за секундой, дедушкины часы, и чем дольше длилось молчание, тем больше они отдалялись друг от друга.

– А ты... – проговорил он в конце концов, словно прочитал ее мысли.

– Что такое?

– Да нет, не важно, – сказал он и покачал головой. – Я просто... думал.

– О чем?

– Ну... ты же прекрасно знаешь...

Она неуверенно сморщила лоб. Знает? О чем же?

– О нас с тобой, – сказал он.

– Ах вот оно что... ну да...

Они замолчали, оборвав едва начавшийся разговор, и она надеялась, что они оставят эту скользкую тему. Молчание прервал он.

– София, я давно хотел тебе сказать... понимаешь, я все ждал подходящего момента. Но... на самом деле это не важно, поэтому я просто скажу тебе, в чем дело.

– Продолжай, – сказала она, услышав в собственном голосе тревогу, но всего чуточку.

Тем временем он с отрешенным видом потер подбородок.

– Дело в том, что мне скоро придется уехать, – продолжил он.

Она отстранилась и пересела на обитый ситцем диван напротив, поджав ноги и стараясь не показать виду, как ее ранило это известие.

– Что от этого изменится? Ты ведь и так вечно в отъезде.

Он поморщился:

– Но я же всегда возвращаюсь.

– Хочешь сказать, что на этот раз не вернешься? – спро-

сила она, встревоженная мыслью о том, как она одна станет управляться со всем огромным хозяйством имения.

– Нет, я хочу сказать, что на этот раз меня не будет дольше.

– И намного дольше?

Он кивнул:

– Но я уезжаю не сразу, не прямо сейчас.

– И чем ты будешь там заниматься?

– Да так, ничего серьезного, всякие пустяки. Нет причин беспокоиться.

Его голос прозвучал как-то слишком беззаботно, и она поняла, что он хитрит.

– И все-таки, – настаивала она, – расскажи.

Он вздохнул:

– Не так давно меня попросили передать кое-какую информацию, которая может быть полезной союзникам.

– Но ведь это ужасно опасно, разве нет?

Он выдержал ее взгляд, и она поняла: конечно, это опасно.

– Ты будешь все так же работать в министерстве?

– Разумеется.

Он встал, и она краем глаза увидела, как он достает из кармана небольшой, но толстый коричневый пакет и показывает ей. Кивком головы она велела ему положить пакет на столик.

– Разве ты не хочешь взглянуть, что там? – спросил он.

– Потом.

– Ты будешь здесь в безопасности, в Каstellо? – спросил он, и она отметила в его глазах живое, неприкрытое чувство.

Вопрос его прозвучал серьезно. Он имел в виду высокие стены, их дом, не вполне замок, конечно, но вполне себе особняк в небольшой, укрепленной деревушке, существующей с тринадцатого века, попасть на территорию которой, как, впрочем, и выйти, можно только через арочный проход и стены которой ни один враг не смог преодолеть. До сих пор.

– В безопасности? Мы? Возможно.

«Но только не наши свиньи, – подумала София. – И не индейки, куры, утки, цесарки, кабаны, рогатый скот».

Ее возмущали постоянные хищения на их тридцати двух фермах. Впрочем, думала она, немудрено, что происходят кражи, ведь каждая из ферм находится внизу, далеко за пределами деревни. Легкая добыча.

– В этом году колбасы не будет, – сказала она.

В ее голосе звучала горечь, но ей было все равно.

– Но ты ведь припрятала кое-какие припасы?

– Вот именно, кое-какие, но мяса для нас и для фермеров будет мало. Как по-твоему, почему мы все время питаемся одними кроликами?

Он улыбнулся.

– А что, мне нравится кроличье мясо, – сказал он, пытаясь говорить шутливым тоном.

– Ну что ж, тем лучше.

Она бросила быстрый взгляд на свои руки.

– Что такое? – спросил он.

– Ничего, – ответила она.

Сознавая, что так и не сообщила ему о письме, София переменяла тему. В конце концов, возможно, ничего страшного не случится и она будет только рада, что не заставила его лишний раз беспокоиться.

– А что будешь делать со своим членским билетом?

Судорожно вздохнув, Лоренцо бросил на нее огорченный взгляд:

– Ты опять?

Она сразу ошетибилась:

– Но военные действия против союзников прекращены...

Снова наступило молчание, но на этот раз оно длилось недолго.

– Все ведь сейчас уже изменилось, разве не так? – продолжила она.

Он покачал головой из стороны в сторону, словно хотел размять мышцы шеи.

– Все еще очень непросто.

Лоренцо был прав. Здесь они жили в режиме объявленного немцами военного положения, и из соображений безопасности он должен был носить с собой членский билет фашистской партии.

– Все изменилось на юге, на территории, уже занятой союзниками, – добавил он. – Но ты ведь знаешь, почти всю страну захватили нацисты. И ты либо с ними, либо против

них, третьего не дано.

– Значит, они продолжают думать, что ты с ними.

София надеялась, что он будет носить с собой членский билет как-нибудь незаметно, не демонстрируя его без особой надобности. Она все понимала. На самом деле понимала. Ему не хотелось об этом говорить. Данная тема являлась больной для них с 1932 года, когда все государственные служащие должны были вступить в фашистскую партию и получить партийные билеты, в противном случае они теряли работу. Понимать-то понимала, но не до конца: ведь Лоренцо в работе не очень нуждался, средств им вполне хватало – они получали доходы и с имения, и с ценных бумаг, в которые были вложены деньги. Но он продолжил службу в Министерстве сельского хозяйства – его поступками руководила страстная любовь к земле. Внимание его привлекла так называемая программа комплексной мелиорации Муссолини, подъем и рекультивация заброшенных или неиспользуемых земель. Стоит только посмотреть на земли Валь-д’Орча, культивированные в результате фантастически смелой реформы, когда Лоренцо занимал пост вице-президента местного консорциума. Безжизненные, покрытые пылью пейзажи здесь преобразились в плодородные поля и цветущие сады, которые стали давать обильные урожаи.

Тем не менее она не могла не думать о своем интеллигентном и ужасно умном отце, который отказался вступать в партию и сейчас живет вместе с ее матерью в Риме, в бога-

тых апартаментах палаццо эпохи Возрождения, и едва сводит концы с концами.

– Догадываюсь, о чем ты думаешь, – сказал Лоренцо с едва заметной печальной улыбкой.

– Правда? – улыбнулась она в ответ.

Он встал и протянул ей руки. Она пошла к нему, они обнялись и какое-то время постояли так, легонько раскачиваясь.

– И что же лежит в этом пакете? – спросила София, бросив быстрый взгляд на кофейный столик.

Он на миг сощурился, потом заглянул ей в лицо:

– Это такой небольшой пистолетик.

– Господи Исусе! – потрясенно воскликнула она. – Тебе теперь нужен пистолет?

– Вообще-то, у меня уже есть... а этот пистолет для тебя.

– Думаешь, мне понадобится?

– Кто знает... все может быть.

– И ты собирался преподнести его мне, как какую-нибудь коробку конфет?

Он не ответил.

«Пистолет, боже мой!» – мелькнула у нее в голове мысль.

Но София решила обдумать все это потом.

Лоренцо слегка отстранился, заглянул ей в глаза:

– Глаза у тебя черные, как ночь, а голос как сладкая музыка.

Она засмеялась:

– Ты меняешь тему... Впрочем, ты всегда это мне говоришь.

– А еще я всегда говорю, что готов всю жизнь глядеть в бездонную глубину твоих глаз и слушать твой голос.

Он вынул из ее прически гребень, и ее волосы густой волной упали до самого пояса.

– Кстати, к нам могли бы приехать твои родители. Я бы не возражал. Обстановка в Риме становится все хуже.

– Ты же знаешь, они не поедут.

Конечно, она была права. Всего они ей не рассказывали, но София поняла: они там в чем-то таком участвуют. А «участвовать в чем-то таком» в Риме с каждым днем становилось все опаснее.

– Карла все еще здесь? – прошептал он ей на ухо и нежно прикусил мочку.

По телу ее прошла знакомая дрожь. По крайней мере, это между ними осталось.

– Пошла к дочке, укладывать маленького Альберто. Ушла надолго. Мало ли какая помощь понадобится, работа всегда найдется... – сказала она, хотя сама знала, чем Карла будет там заниматься.

София на секунду представила, как Карла, сгорбившись под дождем, спешит по узенькому мощеному переулку к выстроившимся в ряд маленьким домишкам из камня, притаившимся в тени высокой колокольни. Стена словно сбивала эти домишки вплотную один к другому; кажется, они забот-

ливо поддерживают друг друга, как и обитающие в них люди в это нелегкое время.

– А Джулия? – спросил Лоренцо.

– Ушла домой. Весь дом в нашем распоряжении.

Она видела, как смягчился его взгляд.

– Тогда я подкину в камин еще поленце, а ты снимай платье. Мне хочется почувствовать твою кожу.

Она рассмеялась:

– Что, прямо перед камином?

Она тоже желала его, и для нее это было важнее, чем война, важнее, чем выживание, победа или поражение, важнее, чем заботы о хлебе насущном. Это чувство само по себе давало силы переносить все, что с ними происходит, потому что она страшилась утра, когда она будет сидеть напротив мужа, пить ячменный кофе и не понимать, что он такое, не знать, кем он стал теперь.

С обитого бархатом дивана она взяла две подушки и старенькое одеяло с ворсом, прикрывающее облысевшее место. Потом разделась и улеглась на коврик, лежащий на отделанном цветным изразцом полу, и стала смотреть, как раздевается Лоренцо. Высокого роста, стройный, с широкими, лоснящимися в свете пылающего камина плечами.

– А носки? – указала она пальцем на его ноги.

Он засмеялся, но уступил, а потом проскользнул к ней под одеяло. Ее охватила дрожь. Где-то за крепкими стенами деревни скоплялись призраки этой войны, и число их росло.

Наблюдают ли эти призраки за ними теперь, ревниво, завистливо, жаждут ли снова вернуться в пронизанную теплом атмосферу их жизни? Или она дрожит просто от холода? Ноябрьские ночи холодные, а тепло от камина греет только с одной стороны.

Лоренцо энергично потер ей спину, и она засмеялась:

– Я тебе что, собачка, что ли?

Он поцеловал ее в лоб, а потом еще в кончик носа.

– Нет, и я давно это заметил.

Согревшись, они сразу же перешли к горячим любовным ласкам. Так у них происходило всегда. Они не боялись стать жертвой привычки или утраты интереса друг к другу, что обычно приводит к неверности. Напротив, искра, возникающая между ними, всегда росла и разгоралась; вот и сейчас она разгорается, превращаясь во все более прочные, глубинные узы. И оба понимали, что человеческая близость, внутреннее родство, близость физическая, любовь, назови это как угодно, – единственное, что может их спасти, может помочь им выжить. Она вздохнула, и с каждым прикосновением его губ мысли ее рассеивались, бледнели, пока она полностью не отдалась ощущению их согласованно движущихся тел, как и следовало тому быть. Все будет хорошо. Иначе и быть не может.

Глава 3

Рим

Максин Каприони взяла сумку с одеждой и вышла из унылой комнаты на Виа деи Каппеллари, где она остановилась. На улице было холодно, и она подняла шерстяной воротник, плотнее запахнула неброское коричневое мужское пальто с большими карманами и покрепче затянула пояс. Торопясь по неосвещенной улице, Максин внимательно глядела под ноги, чтобы не вступить в дождевую лужу. Услышав за спиной шуршание, оглянулась. Вся улица была завалена кучами никем не убираемых смердящих отбросов, и Максин поморщилась, увидев стаю шныряющих в мусоре крыс. Она двинулась дальше по узеньким улочкам, небольшим площадям, мимо старинных церквей Кампо де Фиори³. Потом свернула в сторону Виа дель Бишоне, проходящей неподалеку от ныне населенного лишь призраками еврейского гетто.

Впереди на углу раздался громкий крик, который приковал Максина к месту. Она глубоко вздохнула, но затем, не раздумывая, спрятала сумку во мраке ближайшего переулка и

---

³ *Кампо де Фиори* – прямоугольная площадь в центре Рима. Мрачную славу Кампо де Фиори обрела в Средние века как арена публичной казни и наказаний. Здесь был заживо сожжен Джордано Бруно.

поспешила туда, где кричали. Дала о себе знать ее способность находить приключения на свою голову? Может быть, хотя более вероятно, как сказала бы ее мать, это у нее врожденная склонность спасать попавшего в беду котенка или до смерти напуганного ребенка.

Завернув за угол, Максин резко остановилась, едва не налетев на двух особей мужского пола, чьи мундиры на груди, рукавах и лацканах были усеяны знаками отличия. Изпод кителей красноречиво выглядывали черные вороты рубашек в стиле поло. Чернорубашечники усердно пинали ногами старика, чья палка, уже недосыгаемая для бедняги, валялась в стороне на дороге. Увидев, как эти мерзавцы, хихикая и отпуская при каждом безжалостном ударе грязные шуточки, издеваются над беззащитным стариком, Максин чуть не задохнулась от злости, но тут один из них поднял голову бедняги и нанес удар кулаком ему в скулу. Третий, которому, как и другим, было не больше семнадцати лет, поднял с дороги палку старика, размахнулся и с хохотом врезал жертве по колену. Истекающий кровью и жалобно завывающий старик, лежа в сточной канаве, пытался защитить голову руками и умолял сохранить ему жизнь. Максин прикинула расклад сил. Если она вмешается, то с ней могут обойтись так же, а если нет, старик наверняка умрет от побоев и ран.

Эти громилы делают на улицах все, что хотят, и до комендантского часа, и после, и могут прицепиться к кому угодно. Она посмотрела на часы. До комендантского часа оставалось

еще пятнадцать минут.

– Эй, мальчики, – позвала она, расстегнула пальто и, закинув назад голову, потрясла своими длинными каштановыми кудрями так, что они весьма соблазнительно упали ей на одно плечо. – Выпить хотите?

Молодчики, как по команде, прекратили свое занятие и уставились на нее.

– Не поздновато гулять вышла? – отрывисто проговорил один из них.

– Не волнуйся, время еще есть.

Максин была чистокровной итальянкой, да и выглядела как стопроцентная уроженка этой страны: смуглолицая, с жгучими глазами янтарного оттенка. Ей приходилось лишь надеяться, что нью-йоркское воспитание не повредит ее тосканскому выговору. Неторопливой походочкой она подошла к парню и расстегнула на кофточке две верхние пуговицы.

– Видишь там бар? Он еще работает, – сказала она и указала на угол напротив.

Парни нерешительно переминались с ноги на ногу, но тут вдруг один из них протянул руку:

– Документы!

Она порылась в сумочке и достала новенькое удостоверение личности и продовольственную книжку. Американский паспорт она оставила своему британскому связнику.

– Выпивка за мной, – пообещала Максин и пошла прочь, покачивая бедрами и с улыбкой оглядываясь на них через

плечо; она была очень довольна тем, что не поленилась на-
красить губы.

В свои двадцать девять лет, выросшая в районе Нью-Йор-
ка, называемом Маленькая Италия, а затем жившая в Во-
сточном Гарлеме, Максин и раньше сталкивалась с такими
отморозками.

Один из парней – наверное, главный – кивнул, в послед-
ний раз пнул умолкшего старика и отправился за ней, а за
ним подтянулись и остальные двое.

Все трое прошли за ней в бар и заказали вина. А дальше
что? Она отпустила глупую шуточку, они дружно рассмея-
лись, и она сразу поняла, чем они дышат.

В ее голове снова прозвучал голос матери: «Ты слишком
импульсивна, Максин. Надо хоть иногда останавливаться и
подумать».

Мать, конечно, права. Один из этих парней уже обнял ее
за плечо, прижал к себе и нежно поглаживал шею; другая его
рука тяжело легла ей на бедро. Наверно, они приняли ее за
проститутку. «Быстрее уходи оттуда», – прошептала мать.

Она заказала выпить по второму разу, а вдогонку и по
большой порции бренди. Медленно тянулись минуты.

Совсем скоро она покинет Рим и отправится в Тоскану,
где ее свяжут с руководством основных отрядов Сопротив-
ления – если достаточно надежные партизанские соединения
вообще существуют. В Англии никто об этом ничего не знал.
И если это так, ей нужно будет установить и поддерживать

связь между союзниками и сетью отрядов Сопротивления. Операция чрезвычайно рискованная, британцы уже столкнулись с тем, что найти итальянцев, желающих вернуться в Италию в качестве агентов УСО⁴ и заниматься сбором разведывательных данных и диверсионной работой, практически невозможно. Она же с готовностью ухватилась за возможность выявить и установить связь со стратегически важными группами итальянского Сопротивления.

В отличие от подготовки агентов УСО, посылаемых во Францию, боевая подготовка у нее была минимальной, и связник Рональд из всех сил старался подчеркивать это. В конце концов, Италия оккупирована всего лишь с начала сентября, а собеседование с Рональдом она проходила всего через несколько недель, в октябре. Что тут скрывать, все делалось в спешке, но им позарез нужны были в Италии свои люди, и чем скорее, тем лучше.

А парнишка ощупывал ее бедро все настойчивее. Продолжая без умолку болтать о каких-то пустяках, она освободилась от его назойливых лап и широко, насколько смогла, улыбнулась. Картина лежащего на земле старика и яростная злость на приставания этого подонка подстегивали ее к дальнейшим действиям. Идея четко оформилась у нее в голове; это вполне могло сработать, и, возможно, было ее единствен-

---

⁴ УСО (англ. SOE – Special Operations Executive) – Управление специальных операций, британская разведывательно-диверсионная служба времен Второй мировой войны.

ным шансом. Парнишка продолжал пялиться на нее, и она, набравшись смелости, погладила его по щеке:

– Сейчас вернусь, только сбегая в туалет.

Он окинул ее подозрительным взглядом.

Максин считала своей обязанностью всегда знать, где находится черный выход в любом баре, поскольку в любой момент может случиться так, что понадобится быстро исчезнуть. Ей вполне хватало ума обходить стороной район улицы Виа Тассо, где располагались штаб-квартиры нацистского руководства СС и гестапо. Отсюда до них как минимум сорок пять минут ходьбы. Максин выскользнула во дворик, миновала туалет, затем, обдирая руки, перелезла через невысокую стену в соседний дворик, перебралась через сломанный забор и оказалась в переулке, идущем параллельно улице. Забрав из тайника припрятанную сумку, поспешила к старику, помогла ему встать на ноги и узнала, на какой площади он живет. К счастью, та оказалась совсем близко к тому месту, куда направлялась Максин.

– Поторопимся, – горячо прошептала она. – Они могут вернуться.

Оба двинулись в путь, но старик едва волочил ослабшие ноги, издавая на каждом шагу жалобные стоны. Девушка пыталась его успокоить, но продвигались они ужасно медленно; свернув за угол на следующую улицу, она поняла, что ей повезло: это оказалась именно та, которая была ей нужна.

Вдруг за спиной раздался резкий окрик, гулко прокатив-

шийся вдоль пустой улицы. Боже мой! Опять эти щенки. Неужели снова они?

Они прошли еще несколько домов и оказались перед палаццо с обычными здесь, обильно украшенными резьбой деревянными воротами, хотя и несколько более пышными, чем у большинства подобных зданий. Ей сюда? Этого она не знала, но наверняка искомое место находилось уже где-то близко.

Мальчишки следовали по пятам... делать нечего, она толкнула дверь. Слава богу, она открылась. Максин чуть ли не силой втащила за собой скулящего старика. Они оказались во внутреннем дворике, и девушка, спиной прислонившись к двери, ладонью закрыла спутнику рот. Старик часто и шумно дышал, слишком шумно, и смотрел на нее широко открытыми, умоляющими карими глазами – очевидно, не вполне уверенный, что и она не примется его избивать. Она помотала головой и, заслышав приближающиеся звуки тяжелых сапог, плотно стиснула губы.

С напряженными до предела нервами, Максин слышала, как, приближаясь к палаццо, трое молодых негодяев так яростно спорят, словно готовы перегрызть друг другу глотки. Один из них кричал, что надо вернуться, но главный утверждал, что беглецы точно пошли этой дорогой. Она стиснула зубы, услышав, какие мерзости с ней сулят сотворить, когда поймают. Долго ли она сумеет держать старика с зажатым ртом? Почуяв запах дыма – не просто тлетворного

дыма, которым пропах весь Рим, – Максин затаила дыхание. Ага, парни закурили и, похоже, решили подождать, не попадется ли еще кто-нибудь, с кем можно от души «повеселиться». А может, догадываются, что она здесь, за дверью? Долго держать старика в вертикальном положении она не сможет, тем более удерживать его от криков и стонов. И сдвинуть его с места она боялась. На улице слишком тихо, их могли услышать.

От напряженного ожидания кровь стучала в висках Максина, отдаваясь в ушах, но она изо всех сил старалась дышать ровно и медленно. Прошло еще минут пять, и мальчишки наконец решили двигаться дальше.

Максин быстро перетащила старика через дворик к двери на первый этаж – ему удалось как-то объяснить, что это его собственная дверь. Им открыла женщина и, увидев на его потертом пальто кровь, а на лице – рассечения и синяки, издала сдавленный крик.

– Mio Dio!⁵ Я же говорила ему не выходить на улицу, когда стемнеет, но ведь это упрямый старый осел! Не знаю, как вас благодарить за то, что притащили его домой.

– Не стоит, – пробормотала Максин. – Вы, случайно, не знаете, где живут Роберто и Эльза Романо?

– Да тут, рядышком, в следующем доме. На последнем этаже.

Максин осторожно выбралась на улицу, вошла в сосед-

---

⁵ Боже мой! (ит.)

нее здание и по мраморной лестнице поднялась на последний этаж.

Немцы захватили Рим 11 сентября. Они тут же заняли телефонный коммутатор и радиостанцию; бензин уже был в большом дефиците, люди боялись, что скоро отключат и электричество. Хотя Рим был объявлен «открытым городом» с обещанием, что центр военные занимать не станут, Максин своими глазами видела, что это не так, что солдаты маршируют и туда, и назад по Виа дель Корсо не иначе как для устрашения местного населения.

Дверь слегка приоткрылась. Девушка прошептала пароль, и уже немолодая женщина с начинающими седеть волосами впустила ее в темный коридор. Женщина сообщила, что ее зовут Эльза, и повела ее в комнату, освещенную только свечами и керосиновыми лампами. Несмотря на высоченные потолки и холод, в помещении оказалось довольно уютно. Максин почувствовала, что замерзла и вся дрожит. Когда-то, видно, это была великолепная комната, и хотя мебель в ней выглядела довольно ветхой и потертой, видно было, что некогда у обитателей деньги водились. Максин огляделась и увидела пять пар устремленных на нее прищуренных глаз. Ну разумеется, с первого раза эти люди доверять ей не станут.

– Здравствуйте, – сказала она, поставила на пол сумку и, завязав узлом волосы сзади, села на свободный стул у большого обеденного стола, на котором в беспорядке лежа-

ли скрепленные листы бумаги.

Женщина внимательно разглядывала ссадины на ее руках.

– Что у вас с руками? – спросила она.

Максин вытерла их о штаны.

– Ничего страшного. Извините за опоздание. Маленькая неприятность... но мне удалось отделаться. Меня зовут Максин. Я...

Она хотела уже объяснить, что с ней случилось, но вовремя спохватилась и решила помолчать.

Двое из собравшихся здесь мужчин и женщин кивнули.

Один из мужчин, весьма импозантный на вид, улыбнулся ей. Правда, когда он протянул ей руку и заговорил, она заметила, что рука у него дрожит.

– Меня зовут Роберто, я муж Эльзы. Это наша квартира. У вас самые превосходные рекомендации. Надеюсь, вас никто не видел?

В ответ Максин пробормотала что-то неразборчивое. Эльза держала себя спокойно и уверенно, но вот ее муж... продолжающими дрожать руками он взял со стола пачку бумаг. С улицы до слуха донеслась пулеметная очередь, и все обменялись тревожными взглядами.

Эльза спокойно покачала головой.

– Где-то далеко, – сказала она.

Возможно, и нет, но в голове у Максин промелькнула мысль, что это чертовски неплохо, что уже утром она покидает Рим и уезжает в Тоскану.

Роберто стал объяснять, что эти листовки, отпечатанные в подпольной типографии, подготовлены членами Комитета национального освобождения⁶, в котором состоял и сам Роберто Романо.

– Мы организовали этот комитет, когда у Ворот Сан-Паоло⁷ немцы разбили наши войска, защищавшие город, и объявили военное положение, – сказал он.

– А теперь, – продолжила Эльза, – мы распространяем новости с Лондонской радиостанции. Вы знаете, что это у нас запрещено?

Максин утвердительно кивнула.

– А еще в подпольных газетах «Унита» и «Италия либера» мы выпускаем сообщения о ходе партизанской борьбы.

– А где у вас типография?

– Эту информацию мы мало кому сообщаем.

Максин еще раз оглядела собравшихся, которые выглядели представителями образованных слоев общества, кроме, пожалуй, одного. Его длинные темные волосы и короткая щетина на небритых щеках свидетельствовали, что перед ней настоящий партизан, – правда, образу противоречил строгий костюм. Может, это бывший военный? Мужчи-

---

⁶ *Комитет национального освобождения* – итальянская подпольная общественно-политическая организация, созданная 9 сентября 1943 года в Риме по инициативе Итальянской коммунистической партии для координации деятельности всех политических сил с целью борьбы с фашизмом и освобождения Италии.

⁷ *Ворота Сан-Паоло* – ворота в Риме, являвшиеся частью Аврелиановой стены.

на заметил, что она разглядывает его, вскинул брови и подмигнул. Она выдержала его взгляд. У него были замечательные глаза, цвета жженого сахара, в которых светился живой ум. Опасные, волнующие глаза, подумала она. Черты лица резкие, а еще она обратила внимание на прислоненную к его стулу палку. В Риме прячется так много пропавших людей, включая бежавших из лагеря британских военнопленных или пленных, отпущенных на свободу итальянскими военными, которые больше не воевали на стороне Германии. Этот человек сейчас, в свою очередь, внимательно разглядывал ее. И на спасшегося от плена британца он совсем не походил.

Прошла почти минута, и Максин наконец спохватилась: Роберто ждет, что она скажет или, может быть, что-то делает. Но она даже не заметила вопроса, если вообще был таковой.

– Простите, – сказала она, взяла листовку, частично пробежала ее глазами и посмотрела на Роберто. – Вы хотите, чтобы я взяла их с собой? – спросила она.

– Почему бы и нет, вы ведь все равно отправляетесь на север.

– А не хотите отправить курьером?

– Сейчас у нас с курьерами очень сложно. Передайте листовки партизанам, пусть распространяют, где только можно. Вы уже знаете, куда едете?

– Еще нет. Мой связной дал мне ваш адрес, сообщил, ко-

гда нужно явиться, и сказал, чтобы я получила от вас дальнейшие инструкции.

Она не стала говорить, что ей приказали связаться с сотрудником британского радио в Тоскане. Этой информацией владел строго ограниченный круг лиц. И еще ей предельно ясно объяснили, что Италия – это не Франция, что движение Сопротивления здесь чрезвычайно рассеянно, а это значит, что разобраться и выяснить, в каких местах и каким образом обеспечивать их оружием и боеприпасами, будет крайне трудно.

– Нам нужно, чтобы вы отправились в Каstellо-де-Корси, это в Тоскане, – сказал Роберто. – Найдете там особняк и спросите Софию де Корси. Скажете, что вы посланы от нас, и она приютит вас у себя. Там будет также ее муж, Лоренцо де Корси. Можно поговорить и с ним, но, если это будет возможно, сначала лучше с Софией.

– Она не знает о моем приезде?

– Не совсем так. Расскажите ей о цели своего приезда, но за пределами Каstellо об этом молчок. Свое настоящее имя ей назвать можно, но с другими пользуйтесь псевдонимом. У вас есть своя легенда?

– Я как раз прорабатываю ее. Я подумывала говорить всем, что я журналистка и собираюсь писать о том, как война сказывается на жизни простых людей, как мужчин, так и женщин. Когда-то я и в самом деле была журналисткой. Но мой связник отговорил меня от этой идеи.

– Я тоже не стал бы советовать, особенно если нарветесь на немцев. Сразу подумают, что вы шпионка. Марко сообщил нам, что партизаны в Тоскане представляют собой тот еще сброд... плохо обученные, отчаянные и злые.

Марко, тот самый молодой человек с карими глазами, энергично закивал, и она улыбнулась ему. Так, значит, он и вправду партизан.

– Работать вы будете с Марко, он окажет вам необходимую помощь во всем, что вам понадобится, – продолжал Роберто. – Как только станет ясно, насколько эти отряды дееспособны, какова численность каждого, где они находятся, имена командиров, мы сможем передать вашу информацию дальше, вашему связнику у союзников, или же, если сумеете наладить контакт сами, просто передайте ее по радио в штабквартиру подконтрольного отделения УСО на юге страны.

– Мы считаем, что британские радисты с рациями будут сброшены в нескольких местах, – сказал Марко. – Нам нужно как можно скорее наладить сеть радиосвязи между партизанскими отрядами. Союзникам необходимо, чтобы мы в любой момент были готовы выступить.

– Я постараюсь, – кивнула она.

– А откуда вы родом? – спросил Роберто.

– Из Тосканы. Дома мы всегда говорили по-итальянски, а в школе – по-английски.

– У вас неплохой выговор. Ни один немец не догадается, что вы из Нью-Йорка... хотя местные могут что-то заподо-

зреть.

Максин улыбнулась. Думая о Тоскане, она всегда с болью в сердце вспоминала о матери, но говорить об этом не стала. Она глубоко вздохнула: дай бог, чтобы решение приехать на родину оказалось правильным. В семье ее отговаривали, но она никого слушать не стала, села на корабль и в качестве аккредитованного корреспондента Соединенных Штатов отправилась в Англию. А потом в унылом номере гостиницы в Блумсбери все переменилось. В информационном агентстве, где она работала, ей было оставлено письмо с указанием имени человека, с которым она должна была встретиться, а также времени и места встречи. Это был некий Рональд Картер. На письме стоял официальный штампель Межведомственного исследовательского бюро британского правительства. Ей это ни о чем не говорило, и первое интервью с высоким, темноглазым, одетым с иголки Рональдом также ее озадачило. Он сообщил ей, что получил ее данные в иммиграционном бюро, осуществлявшем контроль над перемещенными лицами, сортировку беженцев, выдачу разрешений на выезд и так далее.

– Мне хотелось бы узнать о вас побольше, – сказал он, сощурился на нее глаза.

Сначала она подумала, что, возможно, выданное ей разрешение работать в Британии отменено и ее скоро отправят обратно на родину. Но во время длительной второй предварительной беседы с Рональдом, когда он мучил ее вопроса-

ми о ее личных качествах, убеждениях, знании итальянского языка, она поняла, что ему на самом деле от нее надо. По-итальянски он и сам говорил прекрасно, и добрая половина собеседования проходила на ее родном языке.

– Мы осуществляем набор молодых итальянцев как в Америке, так и здесь, в Лондоне, которые занимают правильную позицию и подходят по личным качествам, для подготовки и быстрой переброски в Италию, где они будут работать под прикрытием, – серьезным тоном сообщил он ей.

Потом объяснил, что если она согласится, то ее, как и его самого, на британском военном корабле вместе с войсками доставят и высадят в Южной Италии. После этого она будет на парашюте заброшена в окрестности Рима. Партизаны доставят ее в город, а уже там ей придется действовать в одиночку.

Вскоре после встречи с Рональдом ее на две недели направили в специальную школу тренироваться в прыжках с парашютом, где после краткого курса теории и трех реальных прыжков она блестяще сдала экзамен. Прыгать было очень страшно, но сами прыжки приводили ее в восторг. Потом девушку ожидали еще тренировки, во время которых она должна была выполнять практические задания по работе под прикрытием. Максин прекрасно справилась, и теперь вот она здесь, а ее родители ничего об этом не знают.

– Между прочим, – сказал Роберто, прерывая ее мысли и снова возвращая из прошлого в настоящее, – вам придется

переодеться в платье.

– Это еще зачем? Я ведь буду ездить на мотоцикле.

– Тем не менее вы ничем не должны отличаться от других женщин в Тоскане, – ответил он. – Эльза!

Эльза встала и вышла из комнаты, а Максин с трудом подавила недовольство. Несмотря на высокий рост, длинные стройные ноги и фигурку, которой могла бы позавидовать любая девчонка, она обладала даром всюду оставаться незаметной даже в штанах, к тому же в них ей было гораздо удобнее.

Вернулась Эльза и принесла с собой кучу всякой одежды.

Роберто принялся складывать листовки в выдавшую виды наплечную сумку.

Когда он закончил, Максин взяла сумку, а вместе с ней и одежду. Эльза жестом указала на дверь в спальню, где Максин должна переодеться.

Натягивая платье, девушка слышала, как перешептывались собравшиеся в соседней комнате. Она подошла поближе к двери, но слов разобрать так и не смогла. Завязав на голове платок, она услышала, как где-то внизу на лестнице тяжело загремели кованые сапоги. Потом раздались оглушительные выстрелы, и громко захлопали двери.

– Господи... Что там происходит?

В спальню вбежала Эльза:

– Быстрее. Уходите через пожарный выход... обязательно передайте эту коробку Софии де Корси; она наша дочь

и живет на вилле – то есть у себя в усадьбе – Каstellо-де-Корси. Скажите ей, что отец с матерью просят не забыть о конфетах. Это очень важно.

– Хорошо. Но что будет с вами?

Эльза неопределенно взмахнула руками:

– Думаю, нацисты решили реквизи́ровать наш дом.

– Вы знали об этом?

– Да, нас предупреждали.

– Боже мой, но почему же вы не ушли?

– Не хочется в это верить. Никто из нас не хотел в это поверить.

Уже слышались властные голоса немцев, лающие звуки приказов, женские вопли и причитания, когда с грохотом распахивались двери в их жилища.

– Перелезете через перила на террасу под этой комнатой, там будет пожарный выход, – сказала Эльза и сунула в руки Максина сумку на ремне. – Деньги тоже здесь.

– А мотоцикл?

– Он довольно старенький. Но он сейчас там, где мы говорили вам. Сначала поезжайте в Каstellо, но помните, что через десять дней вам надо быть в кафе «Полициано», это в Монтепульчано, там вы встречаетесь с Марко, с которым вы уже знакомы. Будьте там обязательно в десять утра.

Она прошептала на ухо Максина новый пароль, и девушка подняла большой палец: все поняла.

– А бензин? – спросила Максина.

– Есть. Бегите же!

Максин перекинула обе сумки через плечо и направилась к перилам, как вдруг ее охватило страшное возбуждение, нервы ее были напряжены до предела. Все, что происходило сейчас, возбуждало ее, опьяняло, кружило голову, по всему телу пробегал трепет.

Глава 4

Кастелло-де-Корси

В тот вечер, когда София была с мужем, их кухарка, Карла, укутывала платком спину и шею от сквозняков и удобнее устраивалась в кресле возле двери. Приближалась темная ночь. В доме ее дочери, в одной из двух выстуженных комнат наверху, потихоньку собралось восемь человек. Трехлетний Альберто уснул наконец, и женщины принялись за работу. Сара пряла шерстяную пряжу в углу, Федерика сматывала с веретена шерсть, остальные устроились вокруг стола и вязали носки и одеяла. Комнату освещала лишь одна керосиновая лампа, окно было плотно закрыто одеялом, чтобы сквозь щели в ставнях наружу не просочился ни один лучик света.

Под ритмичное шелканье вязальных спиц и вращение колеса одна из них, Сара, тихим голосом стала что-то напевать. Мужья и сыновья этих женщин отправились воевать, никто не знал, где они сейчас и что с ними, и только когда они собирались вот так все вместе, на сердце у них становилось теплее и легче. Совместная работа связывала их в единый организм; несмотря на комендантский час, они собирались

здесь ради общего дела, для того, чтобы прячущиеся в лесах мужчины не замерзли в грядущую холодную зиму без теплых вещей.

Как только было подписано перемирие и солдаты перестали воевать против союзников, в итальянской армии началось повальное дезертирство: каждому хотелось поскорее попасть домой, какой бы риск это ни представляло. Но потом Италию оккупировали немцы, и оккупантам понадобились мужчины, как солдаты, так и рабочие: теперь итальянцы нужны были Германии в качестве рабов либо здесь, в Италии, либо в лагерях в самой Германии. И мужчины побежали в горы, в леса, стали вступать в партизанские отряды. Некоторые из них вообще никогда не хотели воевать на стороне Германии, их мобилизовали в армию насильно. Другие не хотели воевать в принципе, ни на чьей стороне, а многие были сыты фашизмом по горло. Огромное множество сельских жителей поддерживало коммунистическое движение, и число таких постоянно росло. Поэтому сейчас в Италии вместе с пожаром мировой войны разгорался еще один, пожар гражданской войны между теми, кто стоял за фашистов, и их противниками.

Карла бросила быстрый взгляд через стол на Анну, свою старшую дочь, высокую и сильную двадцатипятилетнюю женщину, к тому же стройную, в отличие от самой Карлы, которой было уже почти пятьдесят, да и внешне она соответствовала возрасту. Муж Анны, бедняга Луиджи, погиб еще

в 1941 году, когда был потоплен корабль «Зара», на котором он служил. Анне сообщили, что Луиджи принимал участие в бою с британским конвоем в Средиземном море. «Зара», тяжелый крейсер, построенный для Королевских военно-морских сил Италии, сначала был выведен из строя во время атаки британской авиации. А уже потом, во время яростного ночного боя с группировкой британского средиземноморского флота, пошел на дно.

– Габриэлла на месте? – спросила одна из более пугливых женщин.

Карла представила себе хорошенькую, прекрасно сложенную шестнадцатилетнюю дочь, свернувшуюся калачиком внизу на кухне вместе с Бени, маленькой трехногой собачкой; они вдвоем захватили единственное место в доме, где был очаг. Габриэлла давно уже просила, чтобы ей разрешили стоять на страже, и, зная, что та умеет свистеть так громко, что и мертвого поднимет, мать уступила.

– Ну, что новенького слышно от наших мужчин? – спросила у Анны одна из женщин.

Все, кто был в комнате, знали, что Анна – курьер, посыльная для связи с партизанским отрядом, хотя и она сама, и Карла редко говорили об этом. Конечно, все женщины деревни знают друг друга как облупленных, но береженого Бог бережет. Взять хотя бы Марию, старую каргу, живущую на углу площади, ту самую, чей внучек Паоло недавно взял и вступил в чернорубашечники Муссолини. Так называли членов

добровольных вооруженных формирований милиции национальной безопасности страны, и где сейчас Паоло, никто не знал. В начале войны многие местные мужчины пошли служить в регулярную армию или на флот, и люди к этому относились более или менее нормально, но жестокость фашистских чернорубашечников по отношению к собственному народу – это дело другое. Их ненавидело большинство сельского населения Тосканы.

– Ничего нового, – опередила Анну с ответом Карла, и ее грубый голос простой крестьянки прозвучал совсем тихо.

– А кого, интересно, вы ненавидите больше, – спросила Федерика, – немцев или чернорубашечников?

Несколько секунд в комнате стояла тишина.

– Чернорубашечников, – сказала Сара. – В городе я видела, как они били и бросали в сточную канаву всякого, кто им не нравился. Даже беременных женщин. Стариков, молодых, им на это было плевать.

– Считают, что им все позволено.

– Потому что им позволили делать все, что захотят. Но попомните мое слово, нацисты тоже не сахар. Просто худших мы еще не видели.

Пока женщины перешептывались, мысли Карлы, как это частенько бывало, обратились к еде. Завтра она пойдет и насобирает грибов, а затем приготовит ризотто с грибами и каштанами. Подножный корм – дикий лук, разные травы, даже ягоды – всегда помогал крестьянам держаться в тяже-

лые времена. И ее кудрявый сынишка Альдо скоро пойдет на охоту и, даст бог, принесет дикого кабанчика, которых уже совсем мало осталось в округе.

Вдруг во входную дверь кто-то громко постучал, а потом раздался пронзительный свист.

– Быстро задуйте лампу, – сказал кто-то.

Карла ощущала страх каждой женщины, как свой; в полной темноте они сидели с пересохшими ртами и сдавленным горлом, прислушиваясь к звучащим на улице грубым мужским голосам. Сомневаться не приходилось, это чернорубашечники вышли прогуляться и немного повеселиться. Немцы ходить в темноте по улицам тосканских деревень не рискуют.

А вдруг чернорубашечникам взбредет в голову войти сюда и они застукают, чем тут занимаются эти женщины? Партизанам помогают...

Карла услышала, как открылась и снова закрылась входная дверь, а потом на улице раздался мужской гогот и женский смех. Неужто Габриэлла? Ну нет, это вряд ли.

Глава 5

Прошло несколько дней, и теперь, когда Лоренцо пару дней, вероятно, будет в отъезде, София, распрощавшись с ним, свистнула собачкам, двум миленьким каштановым с белыми пятнами итальянским пойнтерам, которых иногда называют легавыми бракко; впрочем, оба пса уже не подходили для охоты из-за почтенного возраста.

Совсем недавно они слышали, как авиация антигитлеровской коалиции бомбила старинный поселок Кьюзи на границе с Умбрией, и это оставило на душе неколебимое чувство обреченности. Бомбежка происходила в добрых пятидесяти километрах к югу от Монтепульчано, но тем не менее.

На улице было свежо и довольно холодно, а небо такое яркое, что почти резало глаза. Она вышла из деревни с воркующими на стене голубями и свернула к лесу. Земля под ногами хрустела. В долинах внизу пейзаж тонул в густом белом тумане, лишь виднелись, как острова в океане, заросшие деревьями вершины холмов.

В каштановых рощах шел сбор урожая. Под тяжестью каштанов, которые нынче стали основным продуктом питания, ветки деревьев поникли чуть не до земли. Женщины сушили их и мололи в муку для выпечки хлеба, который у них назывался *pane d'albero* – древесный хлеб; тесто для него замешивалось на воде с дрожжами. А еще каштаны жарили и

муку добавляли в ячменный кофе – *caffè d'orzo* – для вкуса. Такой напиток Софии нравился больше, чем цикорий. С тех пор как правительство сделало все, чтобы исключить в стране всякий импорт, настоящего кофе просто не стало, хотя ходили слухи о том, что жесткий его дефицит возник в результате наложенного на Италию Лигой Наций эмбарго. Как бы там ни было, свиней и домашнюю птицу, у кого они еще оставались, хозяева кормили теперь каштановыми листьями.

У них с Карлой были припрятаны кое-какие запасы еды, и не только для обитателей усадьбы, но и для помощи жителям деревни. Но это держалось в строгом секрете. София получила письмо от военного коменданта Шмидта и тут же попросила сынишку Карлы, Альдо, соорудить в большой кладовой тонкую стенку. Окончив школу, Альдо стал у них выполнять любую случайную работу. И вот теперь за этой фальшивой стенкой они хранили бобы, консервированные фрукты, домашнюю колбасу и сыр, а также сушеную кабачину и зерно. Если бы немецкие солдаты встали здесь на постой, всех запасов пожрать не сумели бы.

София вспомнила летнюю неделю консервирования, единственное время, когда Карла позволяла ей орудовать на кухне наравне со своими дочерьми Анной и Габриэлой. Хозяйке предоставлялась возможность внести свой практический вклад в общее хозяйство, ведь что может быть лучше, чем обеспечение всех домочадцев запасами еды? Значение социального статуса и состояния на этот период упраздня-

лось, София становилась одной из многих других женщин, такой же, как все, и хотя в остальное время года она старалась быть для них «графиней», эту возможность забыть о своем положении она очень ценила. Находясь с остальными в дружеской атмосфере, как равная среди равных подготавливая к консервированию инжир, персики, ягоды и помидоры, она получала от этой работы огромное удовольствие. Лоренцо об этом ничего не знал. Его предки уже много сотен лет являлись титулованными землевладельцами, и он был воспитан в убеждении, что каждый человек должен знать свое место. Хотя он и не относился к тем людям, которые обращают большое внимание на формальности и этикет, и вдобавок был вообще человеком по характеру добрым, тем не менее в статусах понимал несколько больше ее. Софии же не внушали с детства, что она – благородная дама, и все эти премудрости она воспринимала несколько по-другому.

Они консервировали и овощи: перцы, морковку, капусту, вся кухня была окутана паром, сверкала яркими красками овощей и фруктов, благоухала густыми запахами богатого урожая, и все эти несколько дней женщины много смеялись, распевали песни и почти забывали о том, что идет война.

София подошла к каштановой роще; женщины усердно трудились, собирая каштаны. Все мужчины ушли, и тяжкий труд лег на их плечи, если не считать помощь стариков и мальчиков. Жена одного из крестьян, Сара, поманила ее к себе и спросила, не отнесет ли она в дом сумку каштанов для

Карлы. Эту женщину София хорошо знала. Сара уже получила два письма: в одном сообщалось, что у нее погиб брат, а в другом – что она потеряла на войне сына. Невозможно представить, сколько жутких страданий ей пришлось вынести, но она все-таки не пала духом, держалась. Вот они, преимущества быть бездетной, мрачно подумала София, быстро пожала руку Сары и, взяв у нее сумку, пошла дальше.

Вернувшись в Каstellо, она завернула за угол дома и зашагала через сад, где росли цитрусовые деревья, кусты олеандра, а рядом с кухонной дверью, словно часовой, стояло небольшое гранатовое деревце. Уже здесь чувствовался густой аромат свежесвекопеченного хлеба. Прежде она никогда не входила на кухню через эту дверь, но теперь приходилось ухаживать за посадками овощей – капусты, лука, шпината, фенхеля, – и она все чаще пользовалась этим путем. В последние несколько дней Карла, казалось, была чем-то встревожена, и София надеялась, что принесенные каштаны поднимут ей настроение.

Похожая на пещеру кухня с толстенными балками перекрытия под потолком, старинным, покрытым каменными плитами полом, стенами, вдоль которых выстроились светло-зеленые кухонные шкафы, и большим, дочиста выскобленным столом посередине всегда казалась ей местом, где можно с удовольствием посидеть, отдохнуть, успокоиться. В нишах с обеих сторон кухонной плиты приютились два одинаковых кожаных кресла, и, поскольку ставни были открыты

не полностью, она не сразу увидела, что в одном из них, откинувшись на спинку, кто-то сидит.

Стоящая у плиты Карла, с зачесанными назад и стянутыми в узел волосами, в своем неизменном белом фартуке, надетом поверх мешковатого серого шерстяного платья, хмурилась.

Увидев порцию теста на один замес, поднимающегося на решетчатой полке над плитой, София догадалась, что кухарке не терпится продолжить его месить. Эта крупная женщина могла без лишних слов дать понять всякому, какие чувства ее одолевают, о том же говорили и крепко сложенные руки Карлы; встретив вопросительный взгляд Софии, она раздраженно закатила к небу глаза.

Альдо тем временем стоял у двери, почесывая в затылке.
– Я нашел его сразу за деревней. Он только сказал «Кастелло», потом стал бормотать что-то, как сумасшедший, и вдруг потерял сознание, – сообщил юноша.

– Кастелло? Назвал нашу деревню? Ты уверен?

Карла наморщила нос.

– А что же еще? – сказала она.

София разглядывала Альдо и думала, как и всегда в эти дни, что юноша превратился в настоящего сердцеда. Красивый, черноглазый, чернобровый, с длинными ресницами и полными губами. По характеру пылкий и никогда не унывающий. При виде его София всегда ощущала прилив энергии.

Альдо отбросил со лба выющиеся каштановые волосы.

– Ну да, мне показалось, что он имеет в виду нашу деревню, – сказал он.

София подошла к сидящему в кресле мужчине поближе, чтобы лучше разглядеть его лицо. Собаки на шаг опередили ее и уже настороженно обнюхивали незнакомца, но он никак не отреагировал, и они потеряли к нему интерес и убежали. Глаза мужчины оставались закрытыми, волосы на голове были спутаны, на распухшей щеке пламенел глубокий воспаленный порез. София заметила на его пиджаке пятна запекшейся крови. Когда она спросила, кто он такой, ресницы его затрепетали и он открыл синие глаза – таких синих она еще никогда в жизни не видела.

– Кто вы такой? – повторила она вопрос.

В ответ он коснулся пальцем горла.

– Карла, воды. Дай ему воды.

Карла с недовольным видом наполнила стакан и поднесла к потрескавшимся губам незнакомца. Он сделал глоток, а у Софии в голове мелькнула мысль: вдруг это немецкий дезертир? Но он удивил ее еще больше, когда заговорил на чистейшем, без малейшего акцента, английском.

– Джеймс, – проговорил он слабым голосом. – Меня зовут Джеймс.

– Вы можете рассказать, что с вами случилось?

Он закрыл глаза. Уснул, что ли?

– Думаю, он англичанин, – сказала она Карле.

– Этого нам только не хватало. Я же говорила, он что-то

бормотал, когда Альдо нашел его в сарае для дров за стеной. Альдо сказал, что на немецкий язык не похоже, но какой именно, он не понял.

– Ему нужен врач.

Карла скорчила гримасу:

– Да что вы говорите? А то я не знаю!

Она бросила на Софию вызывающий взгляд, но тут же смягчилась.

– Думаю, пока его можно пристроить в комнату Габриэлы. А она будет ночевать со мной. В двери есть замок, так что напасть ни на кого он не сможет. Альдо, как всегда, будет спать в комнате Анны. Ей нравится, когда она не одна.

София понимающе улыбнулась. Сначала Карла была просто женой крестьянина, *massaia*, а потом стала каждый день приходить в помещичий дом готовить еду. Но когда ее муж, Энрико, серьезно заболел и работать больше не смог, София поместила обоих жить в четырех довольно просторных комнатах в почти неиспользуемой части усадьбного дома: одна на первом этаже и еще три на втором, со своей отдельной лестницей. Раньше здесь жила прежняя экономка, но она вышла замуж, переехала к мужу, и комнаты оставались пустыми. Все трое детей стали жить с Карлой, конечно, а экономкой в усадьбе по совместительству работала Анна, которая жила отдельно. Энрико был крупным, бодрым и жизнерадостным мужчиной и не заслуживал смерти в столь молодом возрасте, и весь год, пока он болел, София помогала за ним

ухаживать. Своих детей у них с Лоренцо не было, и весь свой материнский инстинкт она излила на детей Карлы, особенно на Альдо, которого сильно потрясла смерть отца.

Внешне Карла порой производила впечатление женщины грубоватой, но все они знали, что в душе она была добрейшим и великодушным существом; Карла всегда могла, если захочет, открыть душу нараспашку. На Софию снова нахлынули воспоминания о праздничном ужине в сентябре. Лоренцо с Софией тоже успели присоединиться, до того как надвинулись черные тучи, и вот в конце недели, изнемогая от усталости после сбора винограда, они приползли домой. Альдо в белоснежной рубашке, которая удачно подчеркивала красоту его смуглой кожи, накрывал поставленные на площади столы выстиранными и выглаженными Карлой скатертями в синюю клетку. В сентябре, как раз перед приходом немцев, у них еще с избытком оставалось вяленой ветчины, мортаделлы⁸, салями, овечьего сыра, не говоря уже о хлебе с вином. И как только запиликала скрипка, усталость будто рукой сняло – и все сразу пустились в пляс под усеянным звездами небом. Даже Лоренцо, сияющий от удовольствия, разомлевший от тепла и любви, снова и снова вертел ее в танце с такой страстью, что у нее закружилась голова. Но дольше всех танцевала Карла, ее громкий непринужденный смех слышался отовсюду, пока Альдо заботливо не увел ее в дом – мягкое обаяние этого юноши способно было растопить лю-

---

⁸ *Мортаделла* – сухая копченая колбаса.

бое сердце.

Воспоминание отлетело прочь, и София снова бросила быстрый взгляд на мужчину в кресле.

– Не очень-то он похож на человека, способного на кого-то напасть или куда-то сбежать, – заметила она.

София перебрала в голове варианты дальнейших действий и поняла, что без надлежащего ухода этот человек, чего доброго, возьмет и помрет. Лоренцо еще пару дней пробудет во Флоренции, поэтому неплохо бы, пока есть время, найти для незнакомца пристанище. Ей очень не хотелось впутывать сюда мужа. У него и своих проблем по горло, да и вряд ли он одобрит ее участие в этом деле.

Карла криво усмехнулась.

– Ты уверена насчет комнаты Габриэллы? – спросила София.

Та утвердительно кивнула:

– Альдо поможет его перенести. Ведь ты pomoжeшь, сынок?

Альдо с готовностью кивнул, и София снова внимательно оглядела мужчину. Волосы у него, несмотря на грязь, были светлые, так что он вполне мог оказаться и немцем. Кроме того, достаточно крупный. Странно, почему они все такие крупные. Какая-то раса гигантов. Но с другой стороны, если он на самом деле не немец, а англичанин, то, возможно, беглый военнопленный. Выглядит очень не ахти. Интересно, откуда он родом? Есть ли у него семья? Жена? Дети?

Она не могла не сравнить этого хорошо сложенного мужчину со своим высоким, тонкокостным аристократическим мужем. Одежда на нем столь неопишимо грязна, что невозможно определить, какого цвета, хотя, похоже, пиджак когда-то был серым, а штаны темно-зеленого цвета. Она осторожно расстегнула пиджак и ахнула: рубаха – о ужас! – насквозь пропитана кровью.

София взяла себя в руки и энергично взялась за дело, объяснив каждому его обязанности. Карла досадливо цокала языком и что-то ворчала под нос, но Альдо в свои семнадцать лет был крепок и мускулист, и, взявшись втроем, они кое-как понесли – впрочем, скорее поволокли – мужчину через центральный зал в маленькую комнатку с другой стороны дома.

Карла сняла постельное белье дочери, постелила на матрас старое одеяло, и Альдо с Софией, подняв мужчину, уложили его на кровать. Он продолжал стонать, но глаз при этом не открывал.

– Габриэлла возражать не будет?

Карла на вопрос не ответила, а вместо этого уставилась в пол, что весьма озадачило Софию. Альдо одарил ее своей милой, виноватой улыбочкой, которая еще в детстве избавляла его от многих неприятностей. До чего же ярко сияет жизнь в этих темных глазах, подумала она. И так было всегда: глаза этого юноши буквально лучились. Потом София увидела, как он толкает Карлу локтем.

– Расскажи графине, что случилось, – сказал он. – Расскажи.

София перевела взгляд на Карлу.

– Что вы хотите рассказать? – спросила она.

– Это касается Габриэллы, – сказал он, обратив на нее озабоченный, встревоженный взгляд. – Мы думаем, что она целый час провела с одним из чернорубашечников, которые недавно вечером напугали женщин у Анны в доме.

Карла смотрела на Софию неуверенно, словно не знала, стоит ли продолжать.

– Сейчас не время, – промямлила она.

– Хорошо, расскажешь потом, а сейчас нужна кастрюля горячей воды и чистые тряпки. – София опустилась перед кроватью на колени. – Альдо, помоги, пожалуйста, раздеть его.

– Графиня! – запротестовала Карла.

София оглянулась:

– Оставь, сейчас не до щепетильности, мне надо осмотреть его рану.

Мысль о том, что ее хозяйка своими руками раздевает чужого мужчину, привела Карлу в замешательство, и София, глядя на нее, не удержалась от смеха.

– Давайте я раздену его, – сказала Карла. – А вы, графиня, если не возражаете, принесите воды. Чистые тряпки есть в шкафу справа от раковины.

Пока грелась вода, пока София наливала ее в кувшин и

шла обратно, мужчина уже оказался раздет.

– На плече сзади у него большой синяк, – сообщил Альдо.

– Только на плече?

– Да, – кивнул он. – И рана от пули в верхней части руки.

Карла успела прикрыть мужчину до пояса еще одним одеялом и сейчас подтянула его чуть выше, к груди.

– Ну что, полюбовалась? – снова рассмеялась София.

– Подумаешь, ничего особенного, – пробормотала Карла и тут же хихикнула.

София осмотрела мужчину. Карла принесла бутылку бренди, и, когда он чуть-чуть приоткрыл глаза, женщины попытались помочь ему глотнуть. Пуля все еще оставалась в ране, и когда он выпил немного бренди, который, как надеялась София, притупит боль, она стиснула зубы и, затаив дыхание, извлекла ее и стала приводить рану в порядок. Карла предложила было свои услуги, но Софии казалось, что это должна делать она. Когда ее работники получали травмы, первую медицинскую помощь, по обыкновению, оказывала именно она, но вот с таким сложным случаем ей пришлось столкнуться впервые. Пока София работала, мужчина корчил самые немыслимые гримасы.

– Простите, – шептала она, – простите, надо потерпеть. – И очень тревожилась, глядя, как все больше бледнеет его лицо.

София была не вполне уверена, что все делает правильно, но природное чутье подсказало, что рану надо как следует

прочистить. Когда это было сделано, Карла принесла антисептик и перевязала руку, чтобы остановить кровотечение.

– Рану обязательно надо зашить, – выпрямляясь, сказала София.

– Вызывать врача нельзя.

– Да.

Положение сложилось непростое. Местный врач, который жил в Буонконvento, был известен своими симпатиями к фашизму, и доверять ему нельзя было ни в коем случае.

– А если обратиться к монахиням в монастыре Святой Анны? – предложил Альдо. – Разве не они давали советы врачу из Трекуанды?

София сразу вспомнила прекрасную, расписанную фресками трапезную монастыря и его добрейшую мать настоятельницу. Монастыри в это время приносили огромную пользу, поскольку их тайные подземные ходы во время нацистских рейдов ни разу не были обнаружены. Кроме того, немцы, как правило, не обращали внимания на монахинь, чьи одеяния были весьма удобным способом маскировки. Во время последней встречи Софии с настоятельницей они обсуждали судьбу одной упрямой деревенской девчонки, которая сбежала из дому и спряталась в монастырском саду, где ее и нашли. Они сидели на террасе, лакомились овечьим сыром, неторопливо запивая его монтальчинским вином, и любовались холмами Крит-Сенези⁹ на западе, а заодно пы-

---

⁹ *Крит-Сенези* – название местности в регионе Тоскана.

тались придумать, что делать с девчонкой. Наверняка монахиня им снова поможет.

Карла сразу встревожилась:

– А что, если она спросит, кто он такой? Нельзя, чтобы монахини попали из-за нас в переплет. Давать прибежище англичанину опасно, вот что я вам скажу.

– Перевозить его туда пока и не нужно. Я буду время от времени его навещать, и если он снова заговорит, я все про него узнаю.

– Графиня, вы знаете английский? – спросил Альдо.

– Конечно; мои родители хотели, чтобы я изучала английский, немецкий и французский, и я почти целый год училась в Лондоне.

Альдо полез в карман штанов, что-то оттуда достал и протянул ей:

– Смотрите, что я нашел у него в пиджаке.

София взяла тетрадочку, перелистала несколько страниц, но не уловила смысла, поэтому решила пока припрятать находку и ушла.

Заниматься живописью на свежем воздухе было холодно-вато, а тем более на самом верху зубчатой башни, где свирепо разгуливал ветер, но летом София успела закончить несколько новых этюдов. Саму башню она и раньше часто рисовала – и от стеночки, окружающей водоем посреди площади, и из окна своего дома. Писала она и вид, открываю-

щийся с самой верхушки башни, куда можно было попасть по очень крутой внутренней лестнице. Еще перед войной она задумала устроить в верхнем помещении башни мастерскую, но сейчас Лоренцо предупредил о большой вероятности того, что башню станут бомбить, и она отказалась от этой затеи. Разве что когда-нибудь потом.

Через большой зал, где висело несколько ее холстов, она прошла в свою маленькую студию с выходящими на розарий французскими окнами до пола. Даже теперь, в конце года, розы все еще цвели; бутонов было немного, но они выглядели такими прекрасными, что у нее сразу поднялось настроение. Больше всего София любила писать пейзажи спокойными, приглушенными красками, но, вместо того чтобы приняться за башню, она решила продолжить работу над своим последним холстом, портретом матери.

Кто таков этот раненый, она надеялась выяснить до того, как настанет время переправлять его в другое место, и до того, как Лоренцо может обнаружить, что у них в доме прячется чужой человек. В противном случае ей придется много чего объяснять мужу. Лоренцо не станет мириться с тем, что она рискует собой, а также подвергает опасности жителей деревни.

Глава 6

Ночью Софии снилась весна, пышные пастбища, покрытые свежей травкой, такой ярко-зеленой, что казалось, она сияет каким-то внутренним светом; еще ей опять снились такие же ярко-красные маки, серебристые оливковые деревья, прекрасные холмистые ландшафты Крит-Сенези, высокие темные кипарисы, выстроившиеся в ряд в пейзаже Вальд'Орча. Она видела во сне проселочные дороги, обочины которых заросли пурпурными ирисами, желтыми цветами полевой календулы и розовым ладанником, белыми маргаритками и синими гиацинтами. Ей снились бесконечно длинные обеды в Пьенце с фаршированными артишоками и жареным ягненком, и она вдыхала свежий аромат розмарина и дикой мяты, видела порхающих в воздухе бабочек-голубянок. Иногда ей снилось, что она вкушает тосканские лепешки с домашним сыром, сидя в саду Сан-Квирико-д'Орча на коврике, раскинутом на поросшей густой травой лужайке. Ее снами правил голод. Точнее, желание вкусной еды, здоровой и разнообразной. Хотя еще сильнее ей хотелось, чтобы их бытие снова стало спокойным и полным. Иногда ей снились длинные дни, наполненные любовью и беззаботной радостью, где не нужно было делать выбора «или – или», где жизнь не была столь сложна. Но эти дремотные грезы представляли собой уже совершенный мираж, поскольку двадцать послед-

них лет над их жизнью нависала мрачная тень Муссолини.

Она очнулась, хотя и не вполне; ей показалось, что в комнате кто-то есть. Она услышала звуки чьих-то движений и мгновенно подумала о голубоглазом мужчине. Неужели он тогда притворялся, что спит? Впрочем, нет, он же заперт, разве не так? Она протянула руку к выключателю.

– Не надо включать, – услышала она.

Это был Лоренцо; он вернулся раньше, чем его ждали.

Подвинувшись на кровати, она лениво протянула к нему руку, и он улегся рядом. Ее прекрасный, необыкновенный муж обнял Софию, и она почувствовала, как бьется его сердце. Сейчас, когда они занимались любовью, столь далекий временами образ Лоренцо совсем растворился. Обнимая друг друга, они снова становились единым, неразделимым целым, переставая быть недавними неестественными версиями самих себя. Он целовал ее шею, и она, все еще наполовину пребывая в грезах о весне, физической близости и любви, сладострастно изгибала спину. Он ласкал ее грудь, живот, ноги в том месте, где кончались бедра. Лоренцо осторожно отыскивал нужное место и потер его, и в своей сонной незащитности София совсем скоро испытала потрясший все ее существо взрыв конечного наслаждения. Он перевернулся, оказавшись на ней, раздвинул ей ноги и, удерживая ее руки у нее над головой, погрузился в нее.

София очнулась от струившихся через окно солнечных

лучей и протянула руку, но сторона кровати, на которой должен был лежать Лоренцо, оказалась пуста. Она похлопала по простыне. Простыня отозвалась прохладой. Неужели супруг приснился ей? Но нет же, вот его одежда, брошенная на ручки вольтеровского кресла. Значит, нет, не приснился.

Лоренцо всегда считал, что София должна быть похожа на его мать, а также и на мать его матери, его бабушку. Величавых, полных достоинства владелиц Корси. Он хотел, чтобы, проявляя милостивую заботу о семьях, которые от них зависели, София не теряла при этом достоинства. Лоренцо не обладал таким легким, открытым нравом, как она, как, впрочем, и не оказывал явную поддержку партизанскому движению и не разделял ее сочувствия к партизанам. Он считал, что для Софии было бы безопаснее оставаться ни на чьей стороне, ее собственная безопасность заботила его больше всего на свете. Поэтому она и не стремилась рассказывать супругу все, что происходит вокруг нее. Лоренцо был искренне очарован ее отношением к жизни, ее *жизнерадостностью*, как он называл это, когда они проводили медовый месяц в Париже. Говорил, что обожает ее изящество, элегантность, ее прекрасные манеры, которые она усвоила с детства. Обожает ее улыбку, ее лицо, которое так и светилося счастьем. Теперь она улыбается не так часто, как прежде.

Софии, конечно, не нравилось, что с мужем нужно вести себя осторожно, потому что он станет тревожиться, хотя сама она ничего такого не делала; она всего лишь знала, что

происходит в деревне, но предпочитала помалкивать. Ей было прекрасно известно, что женщины в деревне вяжут для партизан теплые вещи, но она ничего мужу не сказала. Знала, где находятся партизаны, но оставила Лоренцо в неведении. Знала, что Карла у них на кухне готовит для партизан еду, но не сказала супругу и этого. А теперь вот София знает и про синеглазого раненого, неведомо откуда свалившегося им на голову, про которого им ничего не известно. И опять ничего ему не сказала.

Лоренцо был человек наблюдательный, осторожный, многое подмечал. Он всегда подчинялся неизбежному и поначалу, как и другие, искренне верил, что Муссолини принесет стране пользу. Муссолини строил дороги, принял меры для того, чтобы поезда всегда ходили точно по расписанию. Но когда он заткнул рот свободной прессе, стал попустительствовать бесчинствам отрядов фашистских молодчиков и всему прочему, что способствовало укреплению его власти в стране... ситуация изменилась к худшему. А когда в 1925 году Муссолини объявил себя диктатором Италии и создал структуры тайной полиции, они все стали понимать, что именно происходит в стране на самом деле. На фоне ослабления власти судебной системы, когда политических оппонентов арестовывали и почти сразу приговаривали к смертной казни, перед ними раскрылась вся правда о режиме. Но было уже поздно. Слишком поздно. Друзья в Англии спрашивали, как они допустили, чтобы у них в стране такое слу-

чилось, и они отвечали, мол, все это потому, что народ подвергли умелой манипуляции и в конце концов одурачили, ведь народ всегда нуждается в ком-нибудь или в чем-нибудь, в кого или во что можно верить. И они стали призывать англичан к бдительности. Ведь если популизм, разделение и раздоры, замешенные на ненависти, стали возможны в Италии и в Германии, это может случиться где угодно.

Итак, Лоренцо теперь должен передавать информацию участникам антифашистской коалиции, и эта деятельность чрезвычайно опасна, поскольку министерство, в котором он служит, контролируется нацистами. Они с Лоренцо больше не вели частых бесед, как бывало прежде, и она почти ничего не знала о его тайной работе. В сложившейся ситуации никто из них не был виноват, причиной стала война. София чувствовала, что каждый из них был вынужден полностью сосредоточиться на себе, а это можно делать только в одиночку. Когда не знаешь, будет ли завтра жив человек, которого ты любишь больше всего на свете, он становится тебе еще дороже, ты хочешь еще крепче держаться за него, хотя и не можешь этого делать. Хочешь защитить его, но для этого должен хоть немножко отпустить его от себя. Немножко словно бы отгородиться от него. Дать ему больше простора, чтобы он мог делать то, что должен. Слишком тесно прижиматься к Лоренцо нельзя, зачем причинять ему лишнюю боль, когда он должен будет уйти по своим делам. Лучше пускай думает, что с ней все в порядке, что она в безопасности.

Глава 7

София повернула ключ в замке маленькой спальни и едва распахнула дверь, как в нос ей ударила мощная волна острого запаха болезни. Когда она осмотрела мужчину и ощупала затылок и лоб, то поняла, что жар у него усилился. Отбросив одеяло, София велела Альдо принести намоченную в холодной воде тряпку, расправила ее и несколько раз обтерла лицо, шею и голову больного. А напоследок приказала Альдо положить две влажные тряпки ему на грудь. Состояние Джеймса, если, конечно, это его настоящее имя, явно ухудшилось, но тем не менее им обязательно нужно найти способ переправить его в монастырь. И если ей очень не хочется, чтобы Лоренцо обо всем узнал, делать это надо немедленно.

Они вернулись на кухню, и Альдо принялся наблюдать, как служанка Джулия варит кофе на завтрак и печет блинчики. Джулия работала у них недавно. Прежде девушка жила у бабушки в Пизе, но, когда началась война, вернулась в деревню к матери. София немного сомневалась, что ей можно доверять, но делать было нечего, тем более что доказательств обратного у них не имелось.

Альдо бросил на Софию смущенный взгляд.

– Две чашки для кофе... У вас гость? – спросил он.

– Нет. Вернулся Лоренцо.

– Ого! – не мог скрыть удивления Альдо.

— А я его уже видела, — похвасталась Джулия. — Он вызвал меня звонком и потребовал завтрак.

— Граф Лоренцо надолго вернулся? — спросила Карла, входя на кухню из сада.

— Не знаю, — ответила София и подошла поближе к Альдо. — Ты можешь подождать меня здесь? — прошептала она юноше. — Мне бы не помешала твоя помощь. Надо перенести того человека.

— Конечно, — ответил он и сел за стол пить кофе.

Глядя на Альдо, София не могла не вспомнить его еще совсем крохотным, а потом четырехлетним — сущий был ангелочек, — когда его дядя Джино, плотник, смастерил ему небольшую колясочку. Как мчится время! Кажется, только вчера Альдо бегал по Кастелло, путаясь у всех под ногами, проказничал, но так умилительно просил прощения, что на него никто никогда не сердился. Она сама ужасно любила, когда он забирался к ней на колени, сворачивался клубочком, кудри падали ему на лицо, а он с довольным видом беззаботно сосал палец. Как любил он во время сбора урожая залезать на оливу и трясти ветки, карабкаться все выше и выше, пока все серо-зеленые плоды не лежали кучами на растянутой под деревом сетке.

— У меня больше всех! — кричал он, в то время как старшие мальчишки и взрослые мужчины продолжали изо всех сил трудиться, работая длинными палками с крючьями на конце.

Да, в ее сердце для него навсегда сохранится теплое ме-

стечко.

София глубоко вздохнула и встряхнула головой, возвращаясь из прошлого к настоящему. По лицу Карлы она поняла, что та хочет ей что-то сказать. Глаза кухарки метнулись в сторону и обратно, и София поняла, что та ждет, когда служанка покинет кухню.

– В чем дело? – прошептала София, как только девушка вышла в кладовую. – Мне надо идти к Лоренцо. У меня мало времени.

Карла опустила голову, а когда снова подняла, София увидела, что ее морщинистое лицо искажено тревогой.

– Карла, в чем дело? Ты меня пугаешь. Что-то с Габриэлой? – Она резко повернулась к Альдо. – Ты что-то говорил про Габриэллу и чернорубашечников, да? Говорил, что Карла мне все расскажет.

Альдо отодвинул стул и встал из-за стола. Лицо Карлы вытянулось.

– Карла!

– Понимаете, недавно вечером мы... сидели и вязали...

– Я знаю про ваше вязание. Ради бога, ну вязали, и что? Я всегда знала об этом.

– И вы ничего не имеете против?

София отрицательно покачала головой.

– А потом нам помешали, – продолжала Карла. – По вечерам обычно никто не приходит, во всяком случае в это время года. Габриэлла дежурила внизу, а потом мы слышали

на улице их голоса. Подождали немного, а затем вдруг слышим, что она вышла к ним.

– Боже мой... Они не причинили ей вреда?

Карла вздрогнула:

– Не думаю... только, понимаете, она пошла с ними. И ее не было больше часа.

– Так ты думаешь, они как-то посягнули...

– Нет. Но одного из них она знала. Не думаю, что там случилось что-то страшное, но сейчас она не хочет ни с кем разговаривать. Когда вернулась, платье не было порвано, она не плакала. Но она же такая хорошенькая, а мужчины всегда не прочь воспользоваться случаем. Она и раньше у нас была не очень болтушка, но сейчас вообще ничего не говорит, а когда я спрашиваю, что случилось, смотрит в землю, и все. Вы же знаете, она бывает такая... все о чем-то мечтает, витает в облаках. Ох, нельзя было оставлять ее одну внизу.

– Ты ни в чем не виновата. Это все проклятые немцы!

– Да какие там немцы. Чернорубашечники, – проворчал Альдо. – Ух, попадись они мне в руки!

София снова посмотрела на Карлу:

– Хочешь, я с ней поговорю?

Карла отрицательно покачала головой:

– Нет, пока не надо. А тут еще, кроме всего прочего, я боюсь, что Альдо в армию призовут.

– Что, неужели пришла повестка?

– Нет, – ответила та с несчастным видом, бросив быстрый

взгляд на сына. – Боже милостивый, нацистские мерзавцы хотят забрать у нас на свою войну самых молоденьких.

Альдо сразу расправил плечи.

– Я за немцев воевать не стану, – заявил он.

– Говорит, что сбежит к партизанам, – хмурясь, добавила мать и взъерошила его волосы. – Уж больно ты горяч, как я погляжу; остынь немножко, мой мальчик. Вечно твердит о партизанах. Смотри пристрелят, будешь валяться в канаве.

– Не буду воевать за немцев, и все, – повторил Альдо. – Ни за что.

София глубоко вздохнула. Она и сама встревожилась, ей было жалко бедную Карлу – будто у нее мало своих проблем.

– Постарайся не волноваться, – посоветовала она. – Будем делать все, что в наших силах. Но сначала я узнаю, как долго Лоренцо пробудет дома.

София вошла в столовую. Лоренцо, увидев ее, встал и широко улыбнулся.

– Вот, собираюсь объехать отдаленные фермы, – сказал он. – Надеялся с тобой позавтракать, но, увы, не дождался.

– Извини, – отозвалась она.

При этом София невольно подумала, не старается ли он вызвать в ней чувство вины, но тут же с досадой отбросила эту мысль: нельзя же настолько во всем сомневаться.

– Урожай нынче ниже обычного, но это неудивительно... впрочем, я должен увидеть все своими глазами, – продолжил

он, не замечая ее напряженного состояния.

Он знал про ее убеждения: она считала, что каждый, кто работает на земле, должен иметь право ею владеть, а не оставаться простым арендатором. Но в нынешней ситуации Лоренцо, граф де Корси, нес полную ответственность за состояние дел на всех фермах, за все строения и жилые дома поместья. Как и все остальные, это поместье функционировало в соответствии со старой системой, так называемой медзадрийей: хозяин обеспечивал крестьян землей, орудиями труда, механизмами вместе с их ремонтом и обслуживанием в обмен на половинную долю всей полученной с земли продукции. Один раз в год принадлежащий помещику оливковый пресс находился в общем пользовании, а перед войной Лоренцо оплатил подведение ко всем домам деревни электричества и водопровода.

– Может быть, настало время менять эту систему? – рассеянно, как бы мимоходом заметила София.

Лоренцо внимательно посмотрел на жену.

– Со своими фермерами и рабочими я обхожусь вполне справедливо, – сказал он.

– Я знаю, но...

– О чем это ты? – все так же пристально, но теперь озадаченно глядя на нее, спросил Лоренцо. – Мы же с тобой решили, что переменами займемся, когда закончится война. Ты это прекрасно знаешь. С тобой все в порядке?

– Разумеется.

– Мне кажется, ты... хотя я не вполне уверен... несколько в растрепанных чувствах.

– О, ради всего святого, – почти раздраженно откликнулась она, – какое это имеет значение?

– София, что с тобой происходит в последнее время? То, глядя на тебя, не налюбуеться, а то, кажется, готова мне голову откусить.

– А ты у нас, наверно, все время ангел, не так ли? – с вызовом проговорила она, хотя в его взгляде светилась такая нежность, что ей захотелось плакать. – Вечно дерганый, раздражительный. Тебя почти не бывает дома, а когда ты здесь, то какой-то чужой. Если бы я не знала тебя, то подумала бы, что у тебя появился кто-то на стороне.

Он улыбнулся, и она распалилась еще больше.

– Ты же никогда не говоришь, что делаешь, куда уходишь, с кем встречаешься. Ни словечка! Что мне прикажешь думать?

– Лучше тебе не знать, чем я сейчас занимаюсь, так безопаснее. Впрочем, ведь и ты тоже в последнее время какая-то вся в себе, разве нет?

Она чувствовала, что предательски краснеет, и ей захотелось рассказать ему про англичанина, попросить его помощи.

– Все шушукаешься по углам с кухаркой, – добавил он. – Кто-то трезвонит тебе по ночам.

– Только один раз. Только один, а теперь я вообще не могу

дозвониться до матери. И беспокоюсь, что с родителями там что-то случилось.

– Как только вернусь в Рим, загляну к ним.

– Когда едешь?

– Послезавтра. Выезжаю рано, но сегодня весь день буду здесь. Вот только съезжу на фермы и сразу вернусь, и целый день проведем вместе, а может, и завтра тоже. Надеюсь, ты подобраешь. Правда?

Нет, хотелось сказать ей. Не сегодня. Если сегодня, то лучше ей не станет.

– Сейчас, – сказала она, желая сменить тему и получить возможность уйти, – мне надо съездить кое-куда по делам. Я возьму наш фургончик, если там еще есть бензин.

– Это обязательно? Бензина у нас и так мало. Может, лучше возьмешь тележку с осликом?

– Дело касается моей картины...

Она помолчала. Сердце ее сжалось, и София подумала, далеко ли она зайдет в своей лжи мужу. Заметил ли он ее виноватый вид?

– Думаю, надо заказать для нее раму. Не хочется, чтобы она отсырела.

– А-а... Так ты ее закончила. Вот и прекрасно. Правда, похоже, скоро пойдет дождь. Может, съездишь в другой день?

– Я бы хотела довести дело до конца. И подарить портрет матери на день рождения.

Она посмотрела в окно. Небо было затянуто несущимися

по небу мрачными тучами.

– Ну хорошо. Только будь осторожна. Когда я возвращался из Флоренции, самолеты коалиции расстреливали все, что движется. Возьми с собой Альдо.

– Обязательно. Мы поедem проселками, все будет в порядке.

Как только Лоренцо вышел, времени даром терять было нельзя, и София, даже не умывшись, быстренько оделась. То и дело поглядывая на фотографию родителей в серебряной рамке на туалетном столике и моля Бога об их безопасности, она подвязала волосы и накрыла голову платком, как делают все деревенские женщины. Собравшись с духом, прошла в узенький боковой коридорчик и шагнула в маленькую спальню. На этот раз мужчина лежал с открытыми глазами и с тревогой смотрел на нее.

– Мы должны перевезти вас в другое место, – сказала она. – Здесь для вас находиться небезопасно.

– Благодарю вас, – проговорил он слабым голосом и попытался улыбнуться.

– Вы англичанин?

Он проговорил несколько слов на итальянском.

– Когда я в первый раз вас увидела, вы говорили по-английски.

– Да. Вероятно, я был слишком... впрочем, я сам не знаю.

– Человек почти без сознания вряд ли станет говорить на

чужом языке.

Он снова попытался улыбнуться.

– А теперь? – не отставала она. – Вы можете хоть что-то рассказать о себе?

– У меня запутался парашют. Когда пытался уйти, меня ранили. Кое-как добрался сюда.

Голос у него был хриплый, говорил он с большим трудом.

– Давно это было? – мягко спросила она.

Он не ответил. Пока она пыталась сообразить, что дальше делать, он закрыл глаза. Наверно, надо подождать фургончик сюда поближе. Вместе с Альдо у них все получится.

– Где моя шифровальная книга? – вдруг прошептал он еще более слабым голосом.

– Ах да, наверно, это та самая тетрадка. Я ее сохранила.

Он ответил ей слабой улыбкой.

Когда София с Альдо отъезжали от дома, за ними наблюдала старуха Мария из дома на углу. Она сидела в кресле в дверном проеме, на нее падала тень башни. Она всегда там сидела. Даже в ноябре. Да, и в холодном ноябре тоже! В деревне бедняжку Марию почти никто не любил. Хотя поначалу она, как и все остальные в деревне, очень удивилась, когда ее внучек ушел из дома и поступил в чернорубашечники, но теперь трудно было сказать, кому она на самом деле сочувствует. Она утверждала, что не знает, куда ушел ее мальчик, но кто скажет, сидит ли она там, поджидая его возвращения,

или внимательно наблюдает за тем, чем занимаются остальные? С одной стороны, ее беспокойство понятно, но с другой – все сходилось во мнении, что проявлять участие к ней нелегко, а были и такие, кто с нетерпением ждал, когда же ее мальчик схлопочет себе пулю в голову.

Альдо отпер дверь старенького гаража. Наряду с повозками и прочими транспортными средствами в углу стоял автомобильный фургончик, громоздкий, вонючий и неудобный в управлении. София глубоко вздохнула и заколебалась. Все еще не вполне уверенная в том, что поступает правильно, тем более что фургончик действительно потреблял много драгоценного бензина, София нерешительно заглянула в глаза Альдо.

– Мы все делаем правильно, – улыбнулся он ей.

Уже не в первый раз он без слов угадывал ее мысли, и эта его способность всегда восхищала Софию. Ведь и вправду теперь такие времена, что попробуй разобраться, что хорошо, а что плохо. Но когда все плохо, надо просто делать то, что должно, и не задавать лишних вопросов. Она перевела дыхание, и решимость ее укрепилась.

Лоренцо слишком осторожничал в стремлении оберегать ее, как, впрочем, многие мужчины его социального слоя. И, относясь к себе строго и непредвзято, София вполне отдавала себе отчет, что такое покровительственное отношение супруга – результат ее поведения. Поначалу она позволяла мужу чрезмерно опекать себя, даже находила в этом удоволь-

ствие, хотя, возможно, следовало проявить твердость и показать, что она и сама способна решать проблемы и совершать поступки. Но вместо этого, не поднимая лишнего шума, она потихоньку принялась делать то, что считала правильным. Лоренцо прекрасно видел, что София способна на многое, понимал, что у нее хватает и мужества, и внутренней силы, что она действительно обладает здравым рассудком, но ей казалось, обоим будет легче, если она продолжит вести себя так, чтобы он чувствовал себя ее защитником.

– Мне сесть за руль? – спросил Альдо, прерывая поток ее мыслей.

– Да, спасибо. А я посижу с Джеймсом. Но у нас совсем мало времени. Я должна вернуться пораньше, чтобы день провести с Лоренцо.

Они уселись, и Альдо повел фургончик вокруг дома.

На обратном пути из монастыря они снова петляли между холмов по сети грунтовок; выглянуло солнце, и влажный пейзаж засиял яркими красками. Глядя на далекие гряды голубовато-серых холмов, на стаи низко плывущих серебристых облаков, София невольно воспрянула духом – настолько прекрасным выглядел окружающий пейзаж. Ей казалось, что война не так страшна и, может быть, пройдет мимо и не очень затронет их жизнь. Разве возможно что-то дурное в такие сияющие, такие бодрящие дни, как этот? Именно в подобные дни жизненно важно хранить и лелеять живущее

в душе драгоценное зернышко надежды на лучшее. В такие минуты Софию охватывало чувство радости и вдохновения. И она знала, что потом, если и придется когда-нибудь всю ночь в тревоге лежать без сна, она может вспомнить эти минуты и представить себе будущее, где царит добро, мир, в котором светит солнце и жизнь исполнена покоя и счастья.

Альдо на несколько минут остановил машину, и они вышли подышать свежим воздухом, полюбоваться видом, послушать, как шуршит на ветру высокая трава.

– В монастыре он будет в безопасности, – сказал Альдо.

– Да, – отозвалась она.

София помолчала секунду, ощущая, как легко, как спокойно ей с этим юношей.

– Помню, как я переехала жить в сельскую местность, – продолжала она, становясь с ним рядом. – Ты тогда еще не родился, конечно. Я была девочка городская, но очень скоро после приезда сюда я просто влюбилась в нашу усадьбу, полюбила всех, кто живет с нами рядом. Они приняли меня так радушно, словно я была для них родным человеком.

– Моя мать частенько вспоминает те дни, – сказал он.

– Хорошее было время. Правда очень хорошее.

Она улыбнулась, вспомнив свою первую зиму в Кастелло вместе с Лоренцо – о, она никогда этого не забудет.

– Мы сидели, а перед нами пылали трескучие костры, все вокруг преображалось, как в сказке, становилось таинственным, долины тонули в туманах, небо багровело, а через неко-

торое время с неба посыпались белые хлопья чистого снега.

– Графиня, вы всегда умели чувствовать настоящую красоту.

– А ты разве ее не видишь? – рассмеялась она.

– Вижу, конечно, но ведь я мужчина практический, а вот вы – натура поэтическая.

Мужчина, подумала она. Рановато еще смотреть на него как на мужчину.

Они любовались темными пятнами сосновых и дубовых рощ, покрывающих эту землю, но ей не давала покоя мысль о пистолете. Может, Альдо покажет ей, как им пользоваться? Но вопрос в том, сможет ли она направить ствол на человека и нажать на курок. Сможет ли выстрелить и убить живого человека? Такая мысль казалась ей полной нелепицей.

– Ты ведь умеешь стрелять, да? – спросила она.

– Умею, – ответил он. – Стрелял на охоте.

– Покажешь, как это делается?

– Конечно, – улыбнулся он. – Но я представить себе не могу, что вы пойдете на кабана.

– Да уж.

Последовало короткое молчание.

София указала вперед:

– Смотри, как много между рощами необработанных участков. Мы, женщины, – с твоей помощью, конечно, – делаем все, что можем, но ведь этого мало.

Вдали едва виднелись уже совсем густые леса, в которых

скрывались многие десятки бежавших туда мужчин. София надеялась, что в этих лесах еще оставались дикие кабаны, которых можно убить и съесть.

– Я много думаю по ночам об этих людях в лесу, – сказала она. – Грядет холодная зима, а им нечем там согреться, и мне страшно за них.

– Ничего, как-нибудь приспособятся, не помрут.

Она решила обязательно сказать Карле, что она даже рада, что та готовит для этих людей еду, и вовсе не против, если Карла возьмет кое-что из их запасов. Настало время вложить и свою маленькую лепту в эту борьбу и помочь войскам антифашистской коалиции одержать победу. Вдруг мысли ее были прерваны оглушительным рокотом моторов: в тесном строю куда-то на север мчались по небу истребители. Она зажала уши ладонями.

– Союзники, господа, только бы это были союзники, – забормотала она.

– Думаю, они и есть, – кивнул головой Альдо.

Потом слышались звуки далеких взрывов, и она содрогнулась при мысли, что чья-то деревня попала под бомбежку. Порой трудно было избавиться от мысли, что военным летчикам коалиции совершенно наплевать на мирных итальянцев.

Глава 8

На следующий день, как только София вернулась домой после прогулки с собаками, ей сообщили, что по телефону звонил военный комендант Шмидт, представляющий местную немецкую власть, и спрашивал, находится ли сейчас по месту жительства Лоренцо. У нее на секунду замерло сердце. Еще раньше она получила от этого же самого человека письмо, в котором ее информировали о намерении немцев произвести в деревне реквизицию. Когда Карла сообщила, что Лоренцо на самом деле сейчас дома, немец в учтивых выражениях напросился на обед. София облегченно вздохнула: хорошо, что им удалось вовремя увезти Джеймса. Одно дело, если присутствие одного из врагов немцев обнаружит Лоренцо, а совсем другое – Шмидт, особенно если он нарочно прибудет для того, чтобы осмотреть дом.

День прошел спокойно, чем она была очень довольна, однако теперь следовало ждать вечера, который не сулил ей большого удовольствия. София выглянула в окно на площадь, одновременно слушая последние новости, и увидела вылетающую из арочных окон башни прямо в небо целую стаю летучих мышей. Потом в голову ей пришла мысль, что самые противоречивые слухи распространяются словно пожар. О том, что войска антифашистской коалиции уже близко. Они будут здесь со дня на день. Все слышали об этом уже

не раз, снова и снова. Но теперь толки были не столь благоприятны. На юге Италии войска коалиции продвигаются медленно: немцы сопротивляются упорнее, чем ожидалось. В целом сражения проходят успешно, но немцы отступают с черепашной скоростью, и у них хватает времени, чтобы оставить после себя страшные разрушения.

София даже слегка приуныла, но тут в спальню вошел Лоренцо, и у нее с души словно камень свалился. Перспектива в одиночку весь вечер развлекать этого немца пугала ее.

– Лондонское радио? – спросил он, когда она предстала перед ним в черном атласном платье, в которое решила переодеться к вечеру.

Это платье с длинными рукавами и закрытым воротником плавно скользило по бедрам, спускаясь чуть ниже колена, и облегало ее стройную фигуру, словно перчатка руку, подчеркивая все ее достоинства.

– Да, – ответила она. – Все лучше, чем фашистская пропаганда. Вот только хороших новостей нет. Застегни мне, пожалуйста, молнию.

Он послушно исполнил просьбу, поскреб в затылке, а она выключила радио. На этом их разговор оборвался, наступило долгое молчание, каждый погрузился в собственные мысли. София сидела перед туалетным столиком, вдевая в мочки ушей бриллиантовые серьги, а он, ни слова не говоря, мерил шагами комнату.

– Мне кажется, это уже будет даже слишком, – сказал он,

прерывая молчание, подошел к ней, приподнял волосы и поцеловал в затылок. — Ты выглядишь умопомрачительно.

— Должна же я произвести на военного коменданта Шмидта благоприятное впечатление, — отозвалась она, но тут же сморщила носик.

— Неужели тебе этого хочется? — рассмеялся он. — Ты меня удивляешь.

— Это я так, попыталась съязвить.

— Понимаю, — с улыбкой сказал он, хотя глаза его оставались задумчивыми. — Ну как, довольна, что мы все два дня были вместе?

— Конечно, и ты знаешь об этом.

Взгляд Лоренцо стал еще более серьезным.

— Ты — самая светлая радость моей жизни, — сказал он. — Ты знаешь об этом? Я не так часто тебе в этом признаюсь.

Отвечая ему улыбкой, София слегка прикоснулась флакончиком с духами «Ланвен арпезж» к шее и запястьям.

— Говорить об этом вовсе не обязательно, — сказала она.

— Ты же знаешь, что я не меньше твоего хочу, чтобы все снова стало по-прежнему.

— Ты обязательно должен работать в интересах антифашистской коалиции?

— Думаю, да, — кивнул он.

— А ты не мог просто уйти из министерства?

— Это могло бы показаться подозрительным. Тем более что мое положение очень удобно. Я обладаю информаци-

ей о запасах продовольствия, зернохранилищах и так далее. Войскам коалиции понадобится продовольствие. Кроме того, до моих ушей доходит кое-что о планах немцев касательно их вооружения, боеприпасов, возможностей мобилизации и многого другого. Прости, большего сказать не могу.

– Как хочется провести сегодняшний вечер только вдвоем! Вот было бы хорошо, если бы этот проклятый человек не пришел!

– Как думаешь, что ему надо?

Она сразу оробела и пожалела о том, что не сообщила ему об этом раньше.

– Он хочет разместить здесь на постой солдат. Недавно я получила от него письмо.

Он нахмурился и, подойдя к окну, выглянул на улицу. Потом озадаченно повернулся к ней:

– Дорогая моя, почему ты сообщаем мне об этом только теперь?

– Прости меня, пожалуйста. Я хотела, честное слово, но надеялась, что этого не случится. Они же рассылают десятки таких писем, и частенько это ни к чему не приводит. Не хотелось без нужды тебя беспокоить.

Он широко развел руки:

– Возможно, мне удалось бы...

– Что? – перебила она его. – Что удалось бы, Лоренцо? Тут уже никто не может ничего сделать. И вообще, поживем – увидим. Может, все еще утрясется.

– Что это с тобой, дорогая? Ты какая-то дерганая...

Да, он прав. Действительно дерганая.

– Иди ко мне.

Она встала, подошла к нему, и Лоренцо крепко обнял ее.

– Все будет хорошо, – сказал он.

Она почувствовала, что вот-вот расплачется.

– Правда? Даже если они отберут у нас дом?

– Верь мне. Мы что-нибудь придумаем.

Он отстранился от нее на расстояние вытянутой руки, глядя ей в глаза.

– Только вот еще что, любовь моя.

Он улыбался, но София видела, как слегка сузились его зрачки.

– Когда я проходил мимо твоей студии, дверь была открыта, и я обратил внимание, что портрет твоей матери все еще на мольберте. Не хочешь рассказать, чем на самом деле ты вчера занималась?

Ответить она не успела, их позвала служанка.

София облегченно вздохнула и быстро повернулась к двери.

– Позже, – ответила она.

Глава 9

Максин удалось выехать на грунтовку, ведущую прямо в Кастелло-де-Корси, и вот теперь она стояла, озираясь, в холодном вестибюле господского дома. Служанка, открывшая ей дверь, протянула руку, чтобы принять у нее жакет и сумку.

– Все в порядке, не надо, – сказала Максин и, слегка смущаясь, прижала сумку к груди.

Пока она добиралась, во время недолгих остановок у нее была возможность прочитать одну из листовок. Текст гласил о недавней деятельности партизан, о возможных ответных действиях нацистов, о том, какую помощь население может оказать силам коалиции и каким образом. С тех пор как Максин прибыла в страну, она успела увидеть, насколько изменилось общественное мнение, как резко разделилось итальянское общество. Бомбардировки коалиции у местного населения восторга отнюдь не вызывали, потому что из-за них возросли жертвы среди гражданского населения, хотя прежде всего большинство простых итальянцев, и мужчин и женщин, хотели, чтобы немцы и итальянские фашисты убрались навсегда.

Услышав шаги на парадной мраморной лестнице, она подняла голову. По ступеням подчеркнуто неторопливо спускалась миниатюрная элегантная женщина, черноглазая,

бледнолицая, с черными как смоль волосами, зачесанными вверх. Настоящая Мадонна: мужчины обожают женщин такого типа, жаждут обладать ими и постоянно из-за них соперничают. По сравнению с ней Максин сразу почувствовала себя слишком крупной, и ей стало несколько не по себе. Женщина была одета в черное платье; в свете небольшого канделябра в ее ушах сверкали серьги, скорее всего бриллиантовые, шею украшало выполненное в том же стиле ожерелье, ее левая ладонь властно покоилась на руке весьма привлекательного, осанистого мужчины. Оба выглядели удивленными, увидев девушку у себя в вестибюле.

Она шагнула вперед, но первой заговорила служанка.

– Эта дама пришла повидаться с графиней, – заявила она.

Женщина спустилась в вестибюль и протянула руку. Улыбнулась, хотя и не очень уверенно. Максин привыкла доверять своему чутью, но эта женщина смущала ее.

– Я – София де Корси, – представилась хозяйка дома. – Чем могу служить?

Максин сразу отметила, что София очень похожа на свою мать, Эльзу. Те же элегантные, спокойные движения, та же манера говорить. Типичная избалованная аристократка, подумала она. Чопорная и заносчивая. Холеная. Голубая кровь, так это называется. Но знает ли эта женщина, чем занимаются ее родители?

– Меня зовут Максин, – тихо сказала она, так, чтобы не услышала служанка, но та сделала книксен и, чтобы не ме-

шать, отступила назад. – Свой мотоцикл я поставила перед домом. Надеюсь, ничего страшного?

Лицо Софии осталось таким же безмятежным.

– Ваши родители попросили навестить вас и кое-что сообщить. Это длинная история, но я хочу сказать, что меня прислали сюда британцы. Еще ваша мать попросила меня кое-что передать вам.

– Понятно, – отозвалась София, бросила быстрый взгляд на служанку, сказала, что та может идти, и обратила все тот же невозмутимый взгляд на мужчину. – Это мой муж, Лоренцо.

Мужчина улыбнулся.

– Позвольте предложить вам чего-нибудь выпить, – предложил он с галантностью, которую всегда любит демонстрировать всякая знать.

– Благодарю вас. С большим удовольствием.

– Красного вина?

– Превосходно.

– Пройдемте сначала в мою маленькую гостиную, – предложила София. – Мы можем поговорить там. Нам будет более удобно.

Как только София закрыла дверь своей гостиной, Максин расстегнула замок сумки и достала коробку, которую ее попросили передать.

– Прежде всего вот что. Это немного странно. Ваша мать просила вручить это вам, а также сказать, чтобы вы не забы-

ли о конфетах.

Хозяйка взяла коробку и потрясла, но по ее лицу было видно, что она не очень-то понимает, в чем тут дело, хотя Максин не сомневалась, что в этих словах содержится некое сообщение.

– Очень мило с вашей стороны доставить мне это, – сказала София, озадаченно глядя на нее. – Я так понимаю, вы не из этих мест? Что-то я никак не могу определить ваш акцент.

– Могу я говорить с вами откровенно?

София бросила на нее настороженный взгляд.

– Разве в наши дни кто-нибудь говорит откровенно? – сдержанно ответила она вопросом на вопрос.

Пытаясь несколько разрядить возникшее напряжение, Максин изобразила на лице теплую, обаятельную улыбку:

– Мои родители родом из Тосканы, но сейчас они живут в Америке. Я с детства говорю на двух языках.

– Я вам вот что скажу... весьма вероятно, что всех американцев и англичан очень скоро пересажаяют. Как и всякого, кого немцы считают способным нанести вред рейху и его вооруженным силам, – горько проговорила София.

Одного этого замечания, не говоря, конечно, о политических симпатиях матери Софии, было достаточно, чтобы Максин поняла: с этой женщиной можно говорить обо всем открыто.

– Послушайте, на самом деле я служу в специальном подразделении и занимаюсь диверсионной деятельностью на

стороне антифашистской коалиции. И очень надеюсь, что все будут принимать меня не за американку, а за чистокровную итальянку.

София вскинула брови.

– Понимаю, – сказала она. – И с какой же целью вы к нам прибыли?

– Моя задача – оценить боеспособность отрядов Сопротивления и установить связь между ними и британцами. Я также рассчитываю встретиться здесь с британским радистом.

– Вот оно что, – кивнула София. – Возможно, радист уже прибыл.

– И где же он?

– Всему свое время. Моя мать предложила вам остановиться у меня?

– Если я не очень помешаю. Она считает, что это было бы лучше всего.

София немного подумала.

– Давайте для начала я покажу вам дом, а потом провожу в гостевую комнату.

– Дом у вас очень велик. Целых три этажа.

– Да что вы, на самом деле не такой уж он большой. Третий этаж нуждается в ремонте, поэтому мы сейчас им не пользуемся. На этом этаже у нас кухня, столовая, моя живописная мастерская и вот эта гостиная, еще главная гостиная плюс несколько комнат, которые временно не используются,

туалет, ванная комната и кабинет Лоренцо, конечно. Помещения для слуг в пристройке. У вас есть во что переодеться?

– Есть кое-что. Кстати, ваш муж обещал мне бокал вина.

София покачала головой:

– Это он немного поторопился. Мы ждем в гости немецкого офицера.

– Тогда мне лучше убраться куда подальше. – Максин направилась к двери. – Я правильно поняла, моя комната наверху?

– Да, все наши спальни и ванные комнаты на втором этаже.

Когда они вышли в вестибюль, глаза графини по-прежнему оставались безмятежными, но тут вдруг раздался громкий стук в дверь, а за ним откуда-то еще донесся возбужденный собачий лай.

Максин поняла, что спастись бегством уже поздно. Черт побери, или, как говаривала ее мать, *mannaggia*, что по-итальянски означало то же самое. Служанка уже успела открыть дверь и вводила какого-то мужчину. Он щелкнул каблуками кованых сапог и склонил перед дамами голову. София нахмурилась и бросила на Максин предостерегающий взгляд.

– Господин Шмидт, – сказала она, – перед вами графиня де Корси, а это моя давнишняя подруга...

– Массима, – вставила Максин, вспомнив свою легенду. – Приехала из Рима погостить.

Она старалась держаться непринужденно, хотя сердце ее

так и прыгало в груди.

– Мы с графиней учились в одном классе, – добавила она. – Приятно познакомиться.

Немец натянуто улыбнулся. Высокого роста, худой, слегка сутулый, с длинными, изящными пальцами, он был уже далеко не молод. Волосы начинали седеть, лицо выглядело смертельно усталым, словно целый мир всей своей тяжестью лежал у него на плечах.

София сердечно улыбнулась немцу.

– Простите великодушно, – сказала она, – моя подруга только что приехала и не успела переодеться к обеду.

София повела их в большую гостиную. Шмидт шагал за ней, а следом плелась Максин. Четыре великолепных, от пола до потолка, окна этой комнаты, как и в маленькой гостиной Софии, выходили на Валь д'Орча, и панорамный вид из них при дневном свете казался еще более поразительным.

– Знакомься, дорогой, – сказала София. – Это военный комендант Шмидт. Для нас большая честь принимать его в нашем доме.

Лоренцо в этот момент как раз разливал напитки. Он развернулся кругом, затем спокойно закончил свое занятие, после чего направился навстречу гостю и поприветствовал его.

– Я вижу здесь у вас фортепиано, – сказал Шмидт. – Надеюсь, вы позволите мне сыграть для вас что-нибудь.

Лоренцо улыбнулся.

– Само собой, – отозвался он, – доставьте нам удоволь-

ствие. А пока, может, немного вина? Или вы предпочитаете виски?

Немец соизволил предпочесть виски, оглядел комнату и устроился наконец возле камина в коричневом кожаном кресле, беспокойно перебрасывая одну ногу через другую и обратно, а руки складывая на коленях. Эта его манера раздражала Максина. Шмидт производил впечатление кадрового военного, который скоро выйдет в отставку, и по всему было видно, что служить в Италии ему не очень нравится. Она с удивлением поймала себя на том, что ей даже немного жалко его, – конечно, и среди врагов могут найтись люди, которые предпочли бы сейчас оказаться где-нибудь в другом месте.

– Надеюсь, бомбежки не очень вас беспокоили? – поинтересовался военный комендант.

– Здесь у нас нет, не очень, – ответил Лоренцо. – Впрочем, я работаю главным образом в Риме.

– Ах да, составляете доклад о продовольственных складах по всей Италии, понимаю. Это станет для нас большим подспорьем. Мы всегда уделяли огромное внимание питанию наших солдат. Но ведь вам приходится много ездить?

Максин заметила, что глаза Софии слегка расширились, и за спиной немца она бросила быстрый взгляд на мужа. Что София хотела этим сказать, Максин не поняла, хотя успела уловить в этом взгляде некую настороженность.

– Это правда. Уже сейчас, находясь здесь, я составляю план своих поездок. Скоро я снова уеду, и какое-то время

меня здесь не будет.

Шмидт улыбнулся, глядя на Софию.

– Очень мило с вашей стороны, что вы согласились меня принять, – с улыбкой обратился Шмидт к Софии. – Надеюсь, графиня, вы позволите навестить вас еще раз. Мне очень не хватает домашнего уюта. Возможно, я прихвачу с собой своего заместителя. Он еще молод, склонен принимать все происходящее слишком серьезно, как, впрочем, и все молодые люди. А вот я...

Он оборвал на полуслове и принялся пристально разглядывать свои руки.

– Что вы, господин Шмидт? – подсказала София.

– Я – человек другой эпохи. И у меня, возможно, несколько более сложное отношение к... в общем, да, наверное, к жизни.

Максин не знала, как понимать его слова. Что именно он имеет в виду? Что он не согласен с политикой рейха? Или что он не большой поклонник Гитлера?

Но вот София смотрела на немца с обворожительной улыбкой.

– Наши двери всегда открыты для вас, в любое время. Приходите к нам обедать, играть на фортепиано, приводите с собой и вашего молодого человека. Но вот как насчет постоя? Неужели ваши солдаты будут размещены здесь, в этом доме?

В ответ он слегка улыбнулся:

– О, приношу вам самые искренние извинения. Разве я не сказал? Я ведь послал вам еще одно письмо. Наверное, вы не получили его? В настоящее время ваша деревня нам не понадобится.

От взгляда Максин не укрылось, что София едва заметно, но явно с облегчением вздохнула.

– Ну что ж... надеюсь, вы нас простите, если мы на секундочку скроемся наверху, нам надо переодеться. – Она изящным жестом указала на Максина. – Мы не задержимся надолго.

Максин часто заморгала. Во что, черт возьми, она переоденется?

– Пойдем, дорогая, – сказала София, беря гостью за руку, и повела ее к двери, оставив мужчин за спиной. – На этот раз я размещу тебя в зеленой комнате. Ведь это твоя любимая, верно?

Всю эту лживую белиберду Максин внешне приняла совершенно невозмутимо, хотя в душе хохотала от удовольствия. Ай да София, ай да графиня де Корси, да вы, оказывается, искусная лгунья.

– И вот еще что, если не возражаете, – проговорил им вдогонку Шмидт. – Мы тут разыскиваем одного британского парашютиста. Кажется, мы его ранили. Он приземлился где-то неподалеку. Вот я и подумал: может, вы что-нибудь об этом слышали?

– Мы? – изумился Лоренцо, явно недовольный этим на-

меком. — Разумеется, нет. Я бы немедленно дал вам знать. Ты ведь ничего такого не слышала, правда, София?

София прикоснулась пальчиками к ожерелью. В какой-то почти неуловимый момент Максин заметила, как задрожали уголки ее губ, словно она пыталась подавить дух непокорности и вызова, чего прежде не было заметно. Но через мгновение все это исчезло, лицо ее преобразилось, и, отрицательно покачивая головой, с прежней очаровательной улыбкой она повернулась к мужчинам.

Глава 10

Холодной ночью София проснулась, дрожа и задыхаясь, и с трудом пришла в себя, вспоминая приснившийся сон. Ей казалось, что она сжимает в руке пистолет. Это чувство было настолько реальным, что она даже подняла руку, чтобы убедиться, что это не так. Ей снилось, будто она бежит по лесу, а за ней гонится свора собак и они ее догоняют. Она кричит, призывая на помощь своих собачек, но они куда-то убежали. Тогда она останавливается и начинает палить из пистолета, но тщетно: злые собаки не падают, не погибают, но продолжают приближаться. Она успокоила дыхание и попыталась умирить гулкое сердцебиение, а затем заглянула Лоренцо в лицо, призрачно-синее в лунном свете. Он дышал размеренно и ровно, погруженный в крепкий сон. София встала с постели и, стараясь как можно осторожнее ступать по скрипучим дубовым половицам, направилась в свой будуар. Двигалась она совершенно беззвучно, как вдруг одна из половиц под ее ступней издала почти человеческий стон. По спине ее пробежала дрожь, и она замерла, прислушиваясь к дыханию Лоренцо. Убедившись, что все в порядке, нашла свой халат, закуталась в него и устроилась на кушетке, для тепла и удобства подтянув к себе колени.

София взяла в руки шкатулку, которую ей привезла Максин. Несмотря на холод, ее ладони вспотели; она вытерла их

о халат и только потом провела по резной поверхность шка- тулки. Неудивительно, что на нее сразу нахлынули мысли о матери. Еще вечером, примеряя одну из ее длинных чер- ных юбок и зеленую атласную блузку – юбка, кстати, оказа- лась коротковатой, – Максин рассказала, как родителей Со- фии заставили покинуть палаццо. И теперь София страшно за них тревожилась. Правда, за долгую жизнь в Риме у них появилось много друзей, и она надеялась, что им помогут.

Тем не менее она продолжала думать о них, тревожиться, волноваться.

Но вот что думать о Шмидте, она ума не могла прило- жить. Этот немец производил впечатление человека доста- точно приличного. И вообще, он ей даже нравился. Эти нем- цы далеко не все являются мерзавцами; взять хотя бы Гер- харда Вульфа, германского консула во Флоренции. Трудно найти человека, который был бы так озабочен сохранением исторической части города, как он. И Лоренцо не раз гово- рил ей, что некоторые немцы к нацистам относятся почти с такой же ненавистью, как и представители стран антифа- шистской коалиции. На этот раз Шмидт явился к ним вовсе не для того, чтобы разрушить их жизнь в Кастелло, но ведь он придет еще, и будет ли он в следующий раз так же любез- ен, можно ли ему доверять, вот вопрос.

София потрясла шкатулку: в ней явно что-то было. Кон- феты? Вряд ли. Она сдвинула вправо часть задней стенки шкатулки и нащупала кнопку, которая открывала маленькое

потайное отделение, где мать когда-то хранила свои конфеты с ароматом фиалок. Конечно, никаких конфет внутри не оказалось, зато лежал сложенный листок бумаги. Какие секреты могут содержаться в нем, если понадобилось так тщательно его прятать?

На протяжении всего долгого обеда со Шмидтом немец смотрел только на Софию, просто глаз не сводил. А если и сводил, то сразу обращал взор на Максина. Американка с огромными глазами янтарного цвета, роскошными каштановыми волосами, локоны которых, окружая ее милое личико, падали на плечи, вела себя совершенно непринужденно, оживленно и весело. А когда на ее прическу падал свет, волосы ее вспыхивали жарким рдяным ореолом. София наблюдала за этой откровенно, по-настоящему чувственной женщиной, любовалась округлыми формами ее фигуры, полными губами, широкой обворожительной улыбкой и видела, какое сильное впечатление она производит на обоих мужчин. Даже Лоренцо был зачарован. Потом она станет поддразнивать его этим. Но весь этот вечер София не переставала гадать, какие же тайны хранятся в этой шкатулке.

Она развернула бумагу и пробежала глазами явно второпях нацарапанную записку.

Моя дорогая!

Ко мне обратились за помощью наши друзья из Флоренции.

Темные крылья ночи сомкнулась над головой Софии, у

нее перехватило дыхание. Друзья. Какие друзья?

Примерно к концу следующей недели тебе должны кое-что доставить. Не могла бы ты принять этот груз и позаботиться о нем? Если согласна, позвони Франческо, вашему виноделу из Монтепульчано, и спроси, когда он рассчитывает доставить вино. А позже у вас заберут тару. Как следует позаботиться и о ней. Если же не сможешь, скажи Франческо, что вина вам не требуется. Помнишь, как мы беседовали о том, что когда-нибудь ты сможешь нам помочь? Это вино сейчас нам крайне необходимо.

Твоя нежно любящая мать

Софию охватило чувство острой тоски по родному дому, но, увы, все это осталось в далеком прошлом. Память сохранила лишь отдельные фрагменты, раздробленные кусочки, осколки прошлого, солнечных дней юности, когда еще не было никакого Муссолини. Конечно, она помнила, как мать настойчиво повторяла, что они всегда должны помогать друг другу, что и ей когда-нибудь представится такая возможность. «Настанет час, когда придется выбирать», – говорила она, сверкая глазами. Но что все это значит на самом деле? Мать явно имела в виду не ящики с вином, и Лоренцо вряд ли обрадуется, если узнает, что она подвергает себя или даже всю деревню Кастелло серьезной опасности. Она затрепетала, подозревая, что все это как-то связано с Джеймсом. Но как все устроить, когда под боком находится и явно что-то вынюхивает Шмидт? А что значит «конец следующей

недели»? Откуда ей знать, давно ли мать вручила Максин эту шкатулку?

На следующее утро, внимательно понаблюдав за небом в поисках малейших признаков в нем дождя, полюбовавшись воронами, которые собрались на верхушке башни, София кликнула к себе в студию собачек, где они преданными, обожающими глазами смотрели, как она добавляет к портрету матери последние мазки. Во время работы она продолжала размышлять о секретном письме. Поставив завершающий мазок, София отступила, глядя на холст, и с удовольствием отметила, что ей удалось-таки ухватить в лице матери собственное той одухотворенное отношение к жизни. Это особенно выразалось в ее взгляде, некая твердость духа, решительность и даже больше. Этого художница и пыталась добиться и не сразу смогла нащупать, поймать этот взгляд. Но в конце концов «неукротимость» в ее глазах получилась довольно убедительно. Что и говорить, писать портреты гораздо труднее, чем пейзажи.

В дверь постучали, и в студию вошел Альдо с завтраком на подносе; собаки принялись обнюхивать его обувь. Он улыбнулся, и у нее защемило сердце. Ей всегда казалось, что, когда он входит, в комнате будто становится светлее.

– А что случилось со служанкой? – спросила она.

– Джулия не пришла сегодня. Мать занята и попросила меня принести вам завтрак.

– Спасибо. Надеюсь, с девушкой ничего серьезного.

– Трудно сказать, – пожал он плечами.

– Не хочешь присесть?

Он подтащил к себе стул, уселся и стал разглядывать портрет. Она отхлебнула кофе, а собачки устроились у ее ног и печальными глазами смотрели на печенью.

– Попробуй-ка печенью, – предложила София, протянув Альдо тарелку.

Он взял одну штучку и, жуя, продолжал рассматривать картину, а она разломилла печеньюшку пополам и угостила собачек.

– Это ваша мать? – спросил Альдо.

– А что, похожа на меня?

– Еще бы. Очень похожа. А вы всегда хотели быть художницей?

– Не знаю. Я жила в доме, полном картин, музыки и книг. И мне кажется, это оказало на меня большое влияние. А ты, Альдо? Что ты собираешься делать в жизни?

– Держать ферму, как мой отец, – ответил он. – Но сначала хочу драться.

– Ты еще очень молод. Слишком молод для этого, – сказала она и решила сменить тему. – А как насчет девушек? Нашлась такая, которую ты себе приглядел?

Альдо слегка покраснел:

– Нет еще... хотя в Буонконвенто есть одна девушка, которая мне нравится.

– Как интересно. Расскажи мне о ней.

Она снова передала ему тарелку с печеньем, он покраснел еще гуще, но, казалось, рад был поговорить.

– Я ее почти не знаю... да и сейчас война, вряд ли это возможно, – сказал он, опустив глаза.

– Ты уверен? Война или не война, а люди все равно влюбляются, не так ли?

Он выпрямился и посмотрел ей прямо в глаза:

– Ведь я скоро уйду, вы же знаете, графиня.

Когда после смерти отца убитый горем Альдо совсем отчаялся, София пообещала Карле, что всегда будет приглядывать за ним, заботиться о нем, пока мальчик не возмужает, и что проследит, чтобы он не сбился с правильного пути и стал порядочным человеком. Еще в ранней юности он был немного взбалмошный, пропадал неведомо где, водился со всякими темными личностями. И тогда, чтобы немного расширить его кругозор, София взяла его с собой во Флоренцию и в Сиену тоже свозила, и это пошло ему на пользу, он повидал мир за пределами стен их деревни.

– Перестань, Альдо, – сказала она. – Ты же знаешь, твоя мать страшно боится, что ты в любой момент можешь сбежать.

– Простите меня, графиня, но я должен делать то, что нужно.

– И что же именно?

Он бросил взгляд за окно, туда, где на заросших лесами

холмах скрывались партизаны, и горячая решимость в его глазах подсказала ей, что он имеет в виду.

– Альдо, ведь это тебе не игрушки. Подумай о своей семье. У них ведь есть только ты. Ты сейчас уже почти взрослый мужчина.

– И как взрослый мужчина, я думаю о своей стране.

Ясно, он уже все решил и не передумает, поняла София и закусила губу, не зная, что на это ответить. Он и в самом деле сейчас говорил как взрослый мужчина, и она понимала, насколько сильны его чувства. Она тронула его руку, и взгляд его немного оттаял.

– Неужели мне никак тебя не переубедить?

Он помотал головой, и она поняла, что в груди его сейчас борются два чувства: печаль и страстное желание броситься в бой.

– А что я скажу твоей матери? Неужели ты не можешь хоть немного подождать? Ты же еще совсем юный. Если я скажу ей, что разговаривала с тобой, она никогда не простит мне, что я не постаралась как следует и не отговорила тебя уходить.

Когда она упомянула о его матери, юноша сдержал чувства и на секунду уставился в пол.

– Хорошо, я не стану пока уходить, пусть не беспокоится. Но рано или поздно мне все равно придется уйти.

– Тогда пусть это будет попозже.

Она взяла его за руку, и он поднял голову.

– Альдо, ты же знаешь, я всегда относилась к тебе как к сыну.

– И я всегда буду благодарен вам за это.

– Да не благодарности мне нужно от тебя. Главное, чтобы ты был в безопасности.

Она сжала руку юноши, и глаза ее наполнились слезами.

– О мой мальчик, дорогой мой мальчик, ты вырос на моих глазах. Неужели я не могу тебя убедить?

Он молчал.

София погладила его по щеке:

– Ну хотя бы ради меня...

Его столь дорогое ей лицо вспыхнуло – видно было, что он очень страдает.

– Я не могу здесь оставаться, графиня. Вы же понимаете, не могу, и все. Да если я и останусь, немцы все равно призовут меня в армию, а я не хочу воевать на их стороне.

Глаза его тоже наполнились слезами.

– Придет время, и я уйду... но я буду осторожен, – добавил он, чтобы успокоить ее, глядя на нее потемневшими глазами.

София сложила руки на груди. Альдо посмотрел на нее долгим взглядом, на лице его снова появилась неотразимая улыбка, и он встал.

– Прошу вас, не говорите матери, что я вам сказал. Не надо ее лишний раз тревожить. Пускай думает, что я никуда не пойду, по крайней мере пока.

- Хорошо, – сказала она, нерешительно помолчала секунду. – Не мог бы ты позировать для меня?
- Он бросил на нее озадаченный взгляд:
- Вы имеете в виду, для портрета?
- Да.
- А зачем вы хотите меня нарисовать?
- Твоей маме это понравится.

Альдо ушел, и София, пребывая в расстроенных чувствах, еще раз перечитала записку матери. Знать бы, что подразумевает ее мать под словом «вино», тогда еще можно было бы принять какое-то решение. А что, если это значит оружие или взрывчатка? Она очень любила Лоренцо и не хотела стать причиной разлада между ними, а это вполне может случиться, если она сделает то, о чем просит ее мать. Лоренцо ждет, что она все ему расскажет, попросит совета, а в противном случае может усмотреть в этом своего рода предательство. В голове звучал голос матери: «Сделай это, София, просто сделай, и все». Да, конечно, теперь, когда Лоренцо вернулся в Рим, возможно, ей сойдет это с рук, просто не нужно ничего говорить, но ведь он скоро вернется, а долго ли нужно будет хранить в Кастелло то, что будет доставлено, неизвестно.

Глава 11

Когда Лоренцо уезжал, ей казалось, что ее обступает пустота, и это тревожило ее гораздо больше, чем просто физическое отсутствие мужа. Дом представлялся ей совершенно пустым, словно из него выкачали воздух, и от этого было труднее дышать.

А может быть, совсем наоборот? Может, в нем появилось нечто, хотя что именно – София не понимала сама. И это нечто словно ожидало еще чего-то, а не только его, Лоренцо, возвращения. Казалось, в доме собрались все обитающие в нем призраки, сбились в кучу и подталкивают друг друга локтями: «Ну а дальше-то что? Что дальше?»

София сидела в своей маленькой студии с французскими окнами, выходящими в сад; здесь пахло красками и скипидаром, и это ее успокаивало. Несколько минут она занималась тем, что делала набросок вида из окна и мечтала, чтобы жизнь снова стала простой и ясной, как прежде, когда каждый воскресный день к ней приходили жены крестьянок, делились с ней своими заботами, а она изо всех сил старалась им помочь. Порой проблема выглядела простой, например обувь для ребенка, а бывало и посерьезнее. Заболел муж. Необходимость взять денег взаймы. И она всегда действовала в их интересах.

Но все это уже в прошлом, теперь же перед ней стоял го-

раздо более насущный вопрос: устроить встречу Максим и Джеймса. Она отложила альбом для зарисовок и уголь в сторону, вытерла руки тряпицей и приготовилась отправиться в путь.

Остановив машину, они вышли и двинулись по дорожке, ведущей вокруг монастыря. Собаки, жалобно скуля, просились сопровождать их, но София решила, что их лай может привлечь к ним ненужное внимание. День стоял прекрасный, солнечный, на небе ни облачка, и воздух на удивление теплый. Мимоза до сих пор продолжала цвести, а в чистом, прозрачном, слегка пряном воздухе пахло свежестью, древесины и зеленью, но София сейчас думала о другом и не могла в свое удовольствие наслаждаться природой.

– В чем дело? – спросила Максим. – Что-нибудь не так?

– Что-нибудь не так? – смеясь, повторила София. – Мм... Действительно, что же может быть не так, черт возьми?

– Я имела в виду что-то конкретное.

София вздохнула:

– Мать пишет, что скоро нам должны доставить что-то, и просит присмотреть за этим. А еще пишет, что я должна тебе доверять.

– Рада слышать.

Козырьком ладони София прикрыла глаза от солнца и всмотрелась в лицо Максим:

– Она что-нибудь говорила тебе об этом? Что именно нам

собираются доставить?

– Нет, не говорила. Но я надеюсь, что британец, к которому мы сюда приехали, радист.

София кивнула.

– Тогда, – продолжала девушка, – возможно, это рация?

– Да, вполне может быть.

– Сбросят ее, конечно, на парашюте. Иначе никак.

– Она написала, что это произойдет к концу следующей недели. Но когда она отдала тебе шкатулку?

– Больше недели назад, – хмуря брови, ответила Максин.

– Значит, следующая неделя уже началась.

– Думаю, это может случиться в любой день. Завтра в Монтепульчано я встречаюсь с командиром партизанского отряда. Могу поговорить с ним об этом, если твой британец подтвердит, что груз выбросят совсем скоро. И организовать помощь.

– У него есть имя, ты же знаешь. Я говорю о британце.

Максин улыбнулась, а София постучала в маленькую зеленую дверь в задней части монастыря. Открыла им сама мать настоятельница.

– Как он себя чувствует? – спросила София.

Настоятельница улыбнулась:

– Слава богу, гораздо лучше. Уже немного окреп.

– Я хочу представить вам мою... – София немного запнулась, – мою подругу Максин. Мы зовем ее Массима.

Мать настоятельница понимающе кивнула:

– Ваша подруга – наша подруга. Сюда, пожалуйста.

Она провела их через короткий коридор и открыла еще одну дверь, за которой они увидели красивый дворик. София огляделась: кругом стояли бочонки с лимонными деревьями, которые весной зацветут.

– Нас здесь никто не досматривает, – говорила монахиня, – и мне кажется, свежий воздух идет ему на пользу. Он вон там, видите?

Она указала туда, где в укромном уголке отдыхал Джеймс; ноги его были закутаны в одеяло.

– Он все еще немного слаб, поэтому постарайтесь не очень утомлять его. А я схожу посмотрю, чем вас можно угостить.

Джеймс повернул голову в их сторону и стал с интересом разглядывать Максина, а София в который раз убедилась, что эта девушка оказывает на мужчин поистине магнетическое действие.

Они подошли, и Максина протянула руку.

– Привет, меня зовут Максина, – сказала она.

Как зачарованный, не в силах сдержать улыбки, он встал:

– Вы американка?

Максина в шутку захлопала перед ним глазами:

– Если честно, италоамериканка.

– Вот это да... впрочем, не важно... приятно познакомиться.

– Нам надо поговорить о деле, – суховатым тоном сказала София.

– Да-да, конечно! – тут же откликнулся Джеймс, бросив на Софию вопросительный взгляд. – А можно?

София коротко кивнула:

– Я рада видеть вас окрепшим.

– Еще несколько дней, и я буду как огурчик, – сказал он и бросил быстрый взгляд на Максина. – Понимаете, когда я приземлился, меня подстрелили. А София переправила меня в монастырь, чтобы я поскорее поправился.

– Добрая самаритянка, – с улыбкой отозвалась Максина. – Такова наша София.

Они еще немного поговорили, потом молодая монашка принесла им поднос с кофе и булочками. Она сразу ушла, и Джеймс подтвердил, что действительно ожидается присылка рации, и это планировалось недели через две после его выброски.

– У меня есть точное местоположение выброски. – Джеймс извлек из-под слегка распоротой подкладки пиджака листок мятой бумаги и протянул Софии. – Совсем в другом месте, не там, где забросили меня.

– Благодарю вас. Я свяжусь с Франческо, это мой винодел из Монтепульчано. Кажется, он координирует «доставку», как называет это моя мать. Максина, а ты передай этот листок партизанскому командиру, с которым встречаешься.

Максина взяла листок, но сейчас, видно, ее больше интересовало печенье: она подхватила сразу две штуки и сунула обе в рот.

– Что, проголодались? – рассмеялся Джеймс.

Максин быстренько прожевала лакомство, проглотила и только потом одарила Джеймса ослепительной улыбкой.

– А я вечно голодная, – призналась она.

Глава 12

На следующий день к месту встречи в Монтепульчано Максин прибыла как раз вовремя. Ей повезло, и около двадцати пяти миль она покрыла довольно быстро, хотя местами дороги попадались совершенно разбитыми. Ей даже удалось выкроить время, чтобы навестить двоюродного брата Давида, сына сестры ее матери, которая удачно вышла замуж и с будущим отцом Давида переехала в город. Мать его умерла при родах, но отец до сих пор жил вместе с недавно женившимся Давидом и его супругой. Он был очень рад встрече, хотя поначалу осторожничал, но в конце концов даже пригласил пожить, если у нее появится в этом нужда.

Распрощавшись с ними, Максин отправилась искать кафе под названием «Полициано». Выйдя на центральную, идущую в горку улицу, где должно было находиться это кафе, она повертела головой и даже несколько растерялась. Да, это Виа ди Вольта Нель Корсо, как ей и говорили, значит она попала туда, куда надо. Но ничего напоминающего обыкновенное кафе девушка нигде не увидела. Если не считать элегантного, явно дорогого буржуазного кафе, больше похожего на заведение где-нибудь в Париже или Вене начала века, которое меньше всего подходило для подобной встречи.

Она нерешительно помедлила перед ступеньками, разглядывая увешанные зеркалами стены, великолепные абажуры с

кисточками, щеголеватых официантов, плавнодвигающихся по залу с подносами на кончиках пальцев. Может быть, это ловушка? Листовки Максин оставила в багажной сумке мотоцикла – так безопаснее, чем таскать с собой, вряд ли кто заметит старенький мотоцикл, – но теперь поняла, что, возможно, следовало прихватить их с собой. «Входи же, – приказала она себе. – Будешь топтаться здесь – привлечешь внимание». Она вошла в кафе и остановилась у стойки бара, собираясь заказать чашку горячего шоколада и чашку эспрессо, точно так, как ее инструктировали. Бармен наклонил голову и взглянул вглубь помещения.

– Ах да, – сказал он, – эспрессо вы заказали для господина, сидящего слева, у самого окна. Хотите пирожных или булочек?

Максин отрицательно покачала головой и направилась в зал, где с одной стороны был выход на балкон. Она не смогла удержаться, чтобы не бросить быстрого взгляда на невероятно красивый вид на Валь-ди-Кьяну¹⁰, и ей сразу захотелось хоть ненадолго присесть за один из крохотных столиков. Но девушка не стала останавливаться и направилась к арке, ведущей в соседнее помещение, где за столиком у окна сидел мужчина, которого она, конечно, сразу узнала.

Когда она приблизилась, мужчина поднялся на ноги.

– А вы знаете, что это кафе впервые открылось в тысяча

---

¹⁰ *Валь-ди-Кьяна* – долина в Центральной Италии, расположенная на территории регионов Тоскана и Умбрия.

восемьсот шестьдесят восьмом году? – спросил он.

Это был пароль, который ей на ухо прошептала Эльза, и теперь ей следовало проговорить отзыв.

– Нет. Как интересно! – ответила она.

– Марко, – назвалса он, протягивая ей руку.

– Да, я помню, – сказала она.

Вероятно, это не настоящее его имя, но она пожала протянутую руку. Затем сообщила, что ее зовут Максин, и тревожно спохватилась: надо было назваться Массимой. Но делать нечего, ведь в Риме он все равно уже слышал ее настоящее имя.

В этой части кафе занятым оказался только их столик. Она подумала, что здесь, вероятно, обедают, а утренний кофе пьют в другом помещении.

– Итак, – сказал он. – Вы пришли вовремя.

Внешне он изменился: волосы коротко подстрижены, лицо гладко выбрито. Однако неизменными остались угловатые черты и волнующий взгляд темно-карих глаз цвета жженого сахара. И та же палка лежала рядом с классической шляпой из темно-серого фетра и с узкими полями.

– Я занимаюсь координацией действий нескольких отрядов, – сказал он. – Это очень непросто. Они состоят из людей, которые присоединились к нам по многим и очень разным причинам, поэтому не всегда ладят между собой.

– Но вы сможете мне помочь?

Он надул щеки и пожал плечами:

– Смотря что вы хотите.

– Вы уже знаете. Я должна информировать силы антифашистской коалиции о ваших действиях в их поддержку. А также о том, какие акции вы способны осуществить.

Он нахмурился:

– Откуда я знаю, что вам можно доверять?

– Вы же видели меня на квартире Роберто и Эльзы в Риме. Слышали, что они говорили. Отзыв на пароль я назвала правильно. Ах да, могу показать свое удостоверение.

Она полезла в сумку.

Он засмеялся:

– Неужели вы думаете, что все это нельзя подделать? Убедите.

Теперь пожала плечами она:

– Ну да, оно, конечно, фальшивое. Но послушайте меня. Я здесь работаю, как вы знаете, от имени и по поручению британских властей. А вы хорошо понимаете, что происходит на местах. Мы можем помогать друг другу.

– Вы знаете, что такое ГПД?

– Что-то такое слышала.

– Так мы называем небольшой отряд партизан – группа патриотического действия¹¹. Один такой отряд работает

---

¹¹ Группы патриотического действия – отряды, сформированные общим командованием бригад Гарибальди в конце октября 1943 года. Представляли собой небольшие группы партизан, которые возникли по инициативе Коммунистической партии Италии и действовали в основном в городах, ориентируясь на опыт французского Сопротивления.

здесь, и во многих других небольших городах есть подобные. Я могу познакомить вас с ними.

Услышав сзади приближающиеся шаги, она оглянулась. Официант, человек уже немолодой, аккуратными шагами подошел к их столику и точными движениями поставил перед ними напитки.

– На улице немцы, – прошептал он на ухо Марко.

– Хорошо, – отозвался Марко и, когда тот ушел, улыбнулся Максин. – Теперь будем говорить о пустяках. Немцы очень любят это кафе.

– Тогда зачем назначать встречу здесь? Разве это не опасно?

Он снова засмеялся:

– Ну да, прямо у них под носом. В том-то вся и штука. Успокойтесь, они еще на улице, да и в любом случае они ничего не заподозрят.

Но Максин никак не могла успокоиться.

Тогда он игриво погладил ее руку:

– Серьезно тебе говорю, если будешь сидеть как деревянная, они сразу заметят. Сделаем вид, что мы влюбленные. Местечко-то смотри какое романтическое, тебе не кажется?

Она на миг опустила взгляд, а потом посмотрела ему в глаза. И увидела там откровенное желание, с которым мужчины почти всегда на нее смотрят, но, помимо этого, в его взгляде прыгали живые, беззаботные и веселые чертики. Да, обаяния у него не отнимешь, причем естественного, но глу-

боко в его глазах таилась глубокая грусть, некая щемящая боль, о причине которой приходилось только догадываться.

Несколько секунд оба молчали, а потом он принялся оживленно болтать: рассказывал ей о городе, причем в мельчайших подробностях, советовал, куда стоит сходить и почему, и скоро она уже не слушала его. Что-то ворочалось и толкалось в ее сознании, извлекая из памяти одно детское воспоминание за другим. Девушке вспомнилась мать, которая частенько рассказывала ей о Тоскане. Но скоро Максин отбросила воспоминания и снова посмотрела на Марко.

– О чем задумалась? – спросил он. – В моем обществе женщины не часто клюют носом. А теперь возьми меня за руку, да понежнее.

Она вскинула брови, надула губки и, храбро тряхнув головой, послушно сделала, как он велел.

– Вот так-то лучше. А теперь... как насчет поцелуя?

– Не много ли сразу хочешь? – засмеялась она.

Еще подростком обнаружив в себе эти особенные силы, Максин рано пустилась в опасные любовные приключения, и их у нее набралось уже немало. Вот и теперь она чувствовала, что, возможно, ее ждет еще одно.

Она наклонилась поближе к собеседнику:

– Что там случилось в Риме, когда я ушла?

– Да ничего особенного. Сделали вид, что у нас вечеринка.

– А как же комендантский час?

– Эльза сказала им, что мы ее гости и останемся до утра.

– А что немцам было нужно?

– Становились в палатки на постой. Жителям дали час, чтобы собрать вещи и убраться пододру-поздорову.

Она покачала головой:

– Ужасно. И куда же они пошли? Роберто и Эльза уже не молоденькие.

– У них в городе есть друзья.

– Коммунисты? – спросила она и нахмурилась. – Ты тоже коммунист?

– А что, тебя это пугает? – рассмеялся он, глядя ей в глаза.

Она почувствовала, что краснеет.

– Американцы страшно боятся коммунизма, – продолжал Марко. – Но здесь, в сельской местности, нам осточертела такая жизнь, когда всегда всего не хватает. Когда война кончится и мы победим, все изменится. Нет, конечно, Эльза и Роберто не коммунисты, они интеллигенция. Но мы все стараемся действовать дружно, чтобы изгнать из страны нацистов. Правда, не всегда хорошо получается.

Максин слышала, что немцы уже вошли в кафе; до нее доносились их громкие, властные голоса, их ужасный итальянский, по которому их сразу можно узнать. Ее охватил страх, смешавшийся с недавним возбуждением, но она сдержалась и оглядываться не стала. Они оба продолжали попивать свои напитки, а затем Марко поднес ее руку к губам.

– А у меня есть комнатка, – сказал он.

– Что-о?

– Как начну вставать, ты тоже вставай, надень кофточку и спокойно выходи на улицу. Я расплачусь и выйду вслед за тобой. Пока будешь ждать, делай вид, что разглядываешь витрину магазина, а потом не торопясь иди к мотоциклу. Я догоню.

– У меня здесь двоюродный брат живет. Я собиралась вернуться к нему.

– В другой раз.

Максин сделала все, что он ей велел, задержавшись лишь для того, чтобы запечатлеть на его щеке поцелуй, прежде чем покинуть кафе. Бармен что-то сказал Марко, и оба громко рассмеялись, но над чем они смеются, Максин не поняла. Возможно, этот человек поздравил Марко с очередной быстрой победой. Но ей было наплевать. Такая жизнь ей нравилась, всегда на краю, по лезвию бритвы, с привкусом грозящей опасности, и всегда никаких обязательств.

Выйдя из кафе, Максин пересекла улицу, чтобы полюбоваться витриной, на которой красовались шляпки, шарфики, пальто и перчатки. В преддверии наступающей зимы ей очень не помешал бы тепленький шарфик, и она заскочила внутрь, чтобы выбрать подходящий, при этом не забывая поглядывать на улицу. Она увидела, как Марко вышел из кафе, надвинул шляпу пониже на глаза и, слегка прихрамывая и опираясь на палку, пошел по улице, озираясь и пытаясь понять, куда она пропала. Минутку она любовалась выражени-

ем растерянности на его лице, быстренько заплатила за шарфик и вышла на улицу. Он сразу ее заметил, но даже не улыбнулся, а посмотрел в сторону мотоцикла. Она бросила взгляд туда же, и сердце ее болезненно сжалось: перед мотоциклом стояли двое немцев и внимательно его разглядывали. Если бы ей не пришлось в голову срочно купить шарфик, они наверняка застукали бы ее рядом с мотоциклом.

– Шагай в другую сторону, – скомандовал Марко.

– А мотоцикл?

– А где листовки, при тебе?

– В багажной сумке.

– Все-таки лучше, чем при тебе. Немедленно уходи. Если не найдут, я организую распространение по местным деревням. А если найдут, прощайся с мотоциклом.

Они двинулись по улице вниз; у Максина дрожали коленки, а хромота Марко стала более заметной. Он втянул голову в плечи, сунул руки в карманы, ссутулился и, казалось, даже уменьшился в росте.

Не успели они сделать и десятка шагов, как за спиной послышался громкий окрик: кричал немец, хотя слов они не расслышали. Она крепко сжала руку Марко. Немец, видимо, приказывал ей остановиться.

– Продолжаем идти, – прошептал Марко.

– Но...

– Не останавливайся.

Дрожа от страха, она повиновалась. Затем, не удержав-

шись, оглянулась и увидела, что оба немецких солдата шагают в сторону офицера, стоящего дальше вверх по склону, который, по-видимому, их только что позвал. Их, а вовсе не ее.

Марко выпрямился и рассмеялся. Неожиданно для себя она все поняла.

– Так ты, значит, знал! Ты с самого начала знал, что он кричал не нам, правда?

– Ну да, – кратко сказал он в ответ.

Она стукнула его по руке и тоже рассмеялась. Он нарочно сгорбился, чтобы нацисты не обратили на них никакого внимания, предстал перед ними жалким, никчемным хромым человечком.

– Обойдем вокруг через переулок, заберем мотоцикл и едем ко мне. Листовки переложим в мою сумку. Старайся держаться естественно, давай на ходу разговаривать. Доберемся до тихого местечка, расскажешь поподробнее, зачем сюда прибыла.

Пока они шли, Максин размышляла над этими его словами.

– Это долгая история, – начала она, когда они оказались на тихой улочке.

Перед ее внутренним взором встали мать с отцом, и она представила, каково это – решиться на кардинальные перемены в жизни. Давно это произошло, очень давно, в ноябре 1910 года. Родители и некоторые другие родственники выса-

дились на берег острова Эллис в Нью-Йорке¹², куда прибыл отплывший из Гавра корабль «СС Чикаго». В Тоскане они были крестьянами, торговцами крупным рогатым скотом, но семья слишком разрослась, чтобы земля могла прокормить их всех. Кто уехал на заработки в Сиену или в Аретцо, а кто, как родители Максина, в надежде найти лучшую долю эмигрировали за океан. Страна, где четыре года спустя родилась Максина, никогда не казалась ей настоящей родиной, и в результате ей пришлось пережить кризис самовосприятия. Сейчас, во время пребывания в Тоскане, она довольно часто ощущала в горле комок. Мать не раз рассказывала дочери об их долгом путешествии в Америку, и ее непреходящая тоска по родине и горячие воспоминания о прежнем доме играли большую роль в отрочестве и юности Максина. Приподнятая атмосфера во время сбора урожая винограда, сладостный деревенский воздух, заготовка консервированных фруктов и помидоров, разлив по бутылкам вина, бескрайние поля золотого подсолнечника в июне, зрелой кукурузы – в июле и августе. Честное слово, иногда ей казалось, что она унаследовала от матери всегда неожиданно настигающую ее меланхолию, и, чтобы как-то бороться с этим, она сознательно выбрала такой образ жизни: легкомысленный и беззаботный.

---

¹² *Эллис* – остров в устье реки Гудзон в бухте Нью-Йорка. Был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США, действовавшим с 1 января 1892 года по 12 ноября 1954-го.

– Ну? – подстегнул ее Марко. – Тебя снова куда-то унесло. Рассказывай, о чем еще просили тебя британцы.

– Ах да, извини, – заторопилась она, вернувшись в настоящее. – Как только я узнаю расположение партизанских отрядов и их количество, я должна связаться с британцами и заняться снабжением партизан оружием, чтобы можно было создать боеспособные группы.

– Ты что, серьезно? – фыркнул он. – Неужто они послали заниматься этим женщину?

– Судя по всему, не так уж много итальянцев-мужчин захотело сюда вернуться.

Он отвел взгляд, потом снова заглянул ей в глаза, и девушке показалось, что он не очень-то ей поверил.

– Ну что, идем ко мне?

Максин кивнула.

– Ты знаешь винодела Франческо? – спросила она.

– Конечно.

– И что о нем скажешь?

– Хороший мужик. Ему можно доверять.

– Я получила координаты места, где произойдет выброска рации. Можешь подобрать людей, которые примут груз?

– Конечно. Когда?

– Точно мы пока не знаем. Но скоро, очень скоро, ждать осталось не больше двух дней.

В тот день всю землю окутал туман, скрыв своей пеленой

стволы деревьев. В зеленоватом лесном сумраке, без головного убора и перчаток, Максин дрожала от холода и вздрагивала, когда птицы, громко хлопая крыльями, срывались с ветвей, издавая дикие крики, словно черти в аду. Мотоцикл они спрятали в кустах, и теперь Марко, идущий спереди, почти не оглядывался, чтобы убедиться, что она следует за ним. Впрочем, в этом не было особой необходимости: с шумом продираясь сквозь густую, жалящую острыми колючками растительность, она то и дело вполголоса ругалась, а значит, он прекрасно ее слышал. Хромота, казалось, ему сейчас вовсе не мешает. А когда он все же повернул к ней голову, чтобы убедиться, что она не отстала, игривое выражение его лица говорило: «Ну как, еще не совсем выдохлась?» А Максин только щурила глаза и отбрасывала в сторону свои каштановые кудри.

Она не сказала, что только что чуть не столкнулась с оленем, который стоял в кустах и в упор смотрел на нее. Может, здесь и волки водятся или дикие собаки? Может, и так, кто ж его знает.

Пока она шла, в голове звучали бесконечные увещевания матери: «Порядочная девушка сидит дома и ждет, когда ей наденут на палец обручальное кольцо. А ты? Посмотри на Раймондо, какой прекрасный мужчина». Конечно прекрасный, Максин в этом не сомневалась, но выходить за бакалейщика у нее не было никакого желания. Жена бакалейщика, ради всего святого, только не это! Ей плевать на то, что он

преуспевающий владелец сети магазинов. Большое спасибо, но она лучше выйдет за черта, за дьявола, чем за него.

Наконец начались особенно густые заросли, но Марко отстранил рукой стелющуюся растительность, и под ней обнаружилась узенькая тропка, которая привела их к полянке. Там стоял заброшенный каменный деревенский домик.

– Ты шутишь? – спросила она, разглядывая крышу, зияющую дырами там, где отсутствовала черепица.

Он только пожал плечами.

– Это и есть твое жилье? – недоверчиво продолжала она.

– Жилье как жилье. Во всяком случае, кровать имеется.

Максин вскинула брови:

– Которую ты, несомненно, делишь с крысами и тараканами.

В окаймленных густыми ресницами глазах его снова запрыгали веселые чертики.

– А что, я насекомых люблю... да и многих других животных.

Она бросила еще один взгляд на это, с позволения сказать, жилище – окна заколочены досками, краска на стенах облупилась – и скривила губы. Да будет ли она здесь в безопасности?

– Там и костерок можно развести, – невозмутимо продолжил он, словно не замечая ее кислого лица. – Если замерзнешь.

– Если?

Он ничего не ответил, просто смотрел на нее изучающе и загадочно улыбался. Она тоже смотрела на него во все глаза: загорелое лицо, черные выющиеся волосы, высокие скулы. Цыган цыганом. Такой красивый, что почти больно смотреть, и сам ведь знает об этом, стервец. Она улыбнулась:

– Ну что, пригласишь наконец в свой замок?

Марко мотнул головой, мол, следуй за мной. Она подавила опасения и вошла за ним в дом. По земляному полу он провел ее через комнату, которая, судя по мебели – столу и нескольким жалким стульям, – когда-то была кухней. Затем театральным жестом распахнул темно-коричневую, немилосердно скрипящую дверь – глядя на него, она не могла удержаться от смеха – и ввел ее в заднюю часть дома. Казалось, тут все провоняло сыростью, застоявшимся табачным дымом и, как ни странно, горьким лимоном. Он зажег свечку, и она оглядела небольшую квадратную комнатку. Единственное окно было кое-как закрыто ветхой тряпичей, зато каменный пол относительно чист. Местечко, конечно, шикарным не назовешь, но все-таки в этой деревенской простоте она увидела даже нечто романтическое. Они пришли сюда не ради интимного ужина на двоих. И чем аскетичнее обстановка, тем лучше. К тому же в скудном пламени свечи Марко казался еще более интересным.

– Садись, – велел он ей, снимая пальто и шляпу.

А сам занялся разведением костерка, в качестве растопки используя каштановую скорлупу: подкладывал скорлупку за

скорлупкой, пока слабенькое пламя не разгорелось, – а она тем временем прикорнула на брошенном прямо на пол матрасе. Это хозяин назвал его матрасом, но, приглядевшись, девушка увидела, что это всего лишь плотно набитый сеном мешок из матрасного тика. Небось колется и вызывает зуд, особенно если лежишь на нем совсем без одежды.

– У тебя что, простыней нет? – спросила она, хотя заранее знала ответ.

– А ты что, принцесса?

Она засмеялась:

– Давай шевелись с костром, и я покажу тебе, какая я принцесса.

– Ты часто этим занимаешься?

– А ты?

Марко засмеялся, она подхватила смех. Потом он открыл стоящий в углу сундучок и достал оттуда штопор, бутылку красного вина и две фарфоровые кружки.

– Края немного обиты, зато вино хорошее.

Он откупорил бутылку, налил и, подав ей кружку, сел рядом. Она заметила, как засверкали его глаза. От закипающей страсти, что ли, или от излишнего усердия? Возможно, и того и другого.

Внезапно оробев, она залпом выпила чашку густого, хранящего аромат винограда вина и протянула пустую ему, чтобы налил еще. Здесь, в Тоскане, она свободна и может делать все, что пожелает, и никого из родственников рядом нет, что-

бы приструнить ее. Ему необязательно было знать, что она подправила этот образ самой себя и довела его до совершенства настолько, что и сама почти поверила: да, она в самом деле дерзкая, сильная, независимая личность, какой всегда хотела стать. Максин прекрасно понимала: если не чувствуешь это в себе, то надо просто прикинуться, что ты такая, и тогда рано или поздно станешь таковой. Что же касается возникающей время от времени потребности, назвать которую она не могла, да и не хотела, то в ней она не признавалась даже самой себе.

– Ну давай, расскажи о себе, – сказала она.

– Да нечего особенно рассказывать.

Сощурившись, она изучающе всматривалась ему в лицо.

– Всем есть о чем поведать.

– У меня нет ничего такого, чем хотелось бы поделиться.

– Ну ладно, тогда расскажи что хочешь.

Он неуверенно сморщил лоб, словно не знал, о чем говорить, но глаза его вдруг сверкнули.

– Могу рассказать, что когда-то я был журналистом.

– Надо же, и я тоже.

– Выходит, мы с тобой одного поля ягоды.

– Похоже. Ты сам-то уверен, что ты с того же поля?

– Было бы интересно выяснить... как думаешь?

Ответ вызвал у нее улыбку, его негромкий вкрадчивый голос завораживал, словно насылал на нее волшебные чары. И ей это очень нравилось.

– Некоторое время я работал в «Назионе»¹³, – добавил он. – Это ежедневная газета, выходила в Тоскане. Пришли немцы, и это стало невозможно. Им нужны были только такие материалы, где осуждалась антифашистская коалиция.

Какое-то время они попивали вино молча, потом он приподнял ее подбородок и поцеловал в губы. Поцелуй оказался горячий, у нее перехватило дыхание, и она всем существом откликнулась на его страсть. Максин не сделала ни единой попытки скрыть растущее желание, напротив, рука ее скользнула к его поясу, расстегнула его и нащупала твердую плоть. Она уже знала, что близость с мужчиной – прекрасный способ противостоять ужасам войны, но прежде не могла в полной мере оценить, как сильно сама в этом нуждалась.

Он снова поцеловал ее, и они повалились на матрас, срывая друг с друга одежду. Теперь все слова стали лишними, и они полностью отдались горячей работе любви.

Большинство мужчин не верят в то, что на свете есть женщины, которые даже предпочитают подобного рода совокупление. Никаких цветочков, никаких обещаний вечной любви. Только плотское, животное, примитивное соитие. Слияние обнаженных тел, кожа к коже, плоть к плоти. К мужчинам, которые излишне озабочены девственностью своей избранницы, Максин совсем не влекло. Нет-нет. Гораздо луч-

---

¹³ «Назион» (ит. *La Nazione* – «Нация») – одна из старейших региональных газет в Италии.

ше вот это. Никто не расстроится, ничье сердце не будет разбито. Никто не станет требовать от тебя верности до гроба, никто не станет этого обещать.

Потом, когда все кончилось, она лежала рядом с ним, наблюдая, как меркнет свет и одновременно меняется атмосфера в этой маленькой комнатухе. Потом погладила его светящуюся кожу. Отсветы пламени продолжали красивый танец на стенах. Они придвинулись поближе друг к другу, и Максин охватило чувство уюта. Интересно, как все это было, когда здесь жило какое-то семейство? Она представила себе мужа и жену с тремя или четырьмя ребятишками, которые помогали ухаживать за домашними животными, мать готовила им вкусные блюда из своего, домашнего тушеного мяса, а отец работал в поле. Она спросила у Марко, кто здесь жил раньше, и тот ответил, что в округе много таких заброшенных ферм, обитатели которых отказались бороться за хлеб насущный, обрабатывая землю. И она поняла, что ее представление о том, как некогда жила здесь какая-то семья, оказалось нелепой фантазией. Студеными, злыми зимами жить здесь было нелегко и одиноко, особенно если нечего есть.

– Так, теперь мне нужно поспать, – грубовато сказал он и натянул на обоих одеяло. – Ночью нам предстоит работенка.

– Что за работенка?

– Много будешь знать...

– Не болтай чепухи! Я должна все знать. Затем сюда и приехала. Я же тебе говорила.

Он приподнялся, оперся на локоть и, почесывая подбородок, заглянул ей в глаза:

– Хочешь пойти со мной? Понимаю. Но зачем? Зачем вообще ты вызвалась нам помогать? Ты, красивая американская девчонка? Что тебе до нашей войны?

– Ты был бы прав, если бы мои родители не происходили из Италии. Я должна понимать, чем ты занимаешься, и мне нужно знать, где скрываются партизаны.

– Проще простого. Мы создаем для немцев проблемы. Стараемся, как только можем, деморализовать их, лишить боевого духа. Сбивать с них спесь, понимаешь? Самая большая часть наших скрывается в лесах на горе Амиата. Их там сотни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.